

*Прогни
творити!*

И. ЛИНДЕР

ВАША
ЛЮБИМАЯ
ИГРА?

ШАХМАТЫ!

И. ЛИНДЕР

ВАША ЛЮБИМАЯ ИГРА?
ШАХМАТЫ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“

Москва

1962

Дорогие читатели!

Многие из вас — играете ли вы в шахматы или не испытали еще удовольствия сразиться на 64-клеточной доске — не раз, наверное, задумывались над тем, какую пользу приносит эта древняя игра. В чем заключена ее притягательная сила? Стоит ли посвящать ей часы своего досуга?

Ответить на эти вопросы вам поможет очерк журналиста и шахматного историка И. Линдера. Любителям шахмат хорошо известны его книги «А. Д. Петров — первый русский шахматный мастер», «Художник шахмат И. Шумов», «Л. Толстой и шахматы». На этот раз автор рассказывает о роли шахматного искусства во всестороннем развитии человека. Из очерка И. Линдера вы узнаете, почему десятки и сотни тысяч людей, когда их спрашивают: «Ваша любимая игра?» — отвечают: «Шахматы!».

ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ ШАХМАТЫ

Как-то во время матча Ботвинник — Таль мне довелось быть очевидцем любопытного спора. В фойе театра имени Пушкина, где проходило соревнование, недалеко от демонстрационной шахматной доски оживленно разговаривали трое любителей шахмат. Один из них был известный артист, другой — профессор математики Московского университета. Третий собеседник был молодой человек лет двадцати, по виду студент.

— Шахматная партия, — говорил актер, — во многом напоминает мне спектакль. Дебют, решающий момент в середине игры и, наконец, мат королю можно сравнить с завязкой, кульминационным пунктом и развязкой пьесы. Когда мы смотрим спектакль, то подчас забываем о

большой вдумчивой работе режиссера. А здесь гроссмейстеры всегда на сцене, и одновременно с перипетиями на доске можно с интересом наблюдать за поведением этих прославленных шахматистов. Тут редкий в искусстве случай, когда имеется возможность видеть, как создается само произведение, как совершается процесс художественного творчества...

— С вами можно было бы согласиться, если бы не одно «но», — сказал, обращаясь к артисту, профессор. — Дело в том, что в шахматах слишком велика роль научного элемента. Назовите мне область искусства, где имеют место столь сложные логические рассуждения и анализы, напоминающие длинные математические вычисления. И, уж конечно, в мире нет другого такого искусства, в котором для достижения высокого совершенства необходимо изучить целую гору теоретической литературы. Не малая доля истины заключена, как мне кажется, в старом изречении о шахматах: для науки слишком игра, для игры слишком наука...

— Вы забыли еще об одном, без чего шахматы не были бы шахматами, — горячо возразил своим маститым оппонентам молодой человек. — Наша любимая игра по своему духу прежде всего борьба. Исход ее решается в напряженном поединке двух противников. Поэтому шахматы в такой же, а может быть, и в большей степе-

ни — спорт. Не случайно наши шахматисты входят в Союз спортивных обществ СССР и проводят ежегодно так много спортивных состязаний.

Искусство, наука, спорт... И все в одной игре! В этом, пожалуй, и кроется секрет обаяния шахмат, их многостороннего воздействия на человека. Они служат прекрасной «гимнастикой ума». Их комбинации полны очарования и красоты, они доставляют большое эстетическое удовольствие. Наконец, спортивный характер соревнования способствует воспитанию полезных черт характера — настойчивости и воли.

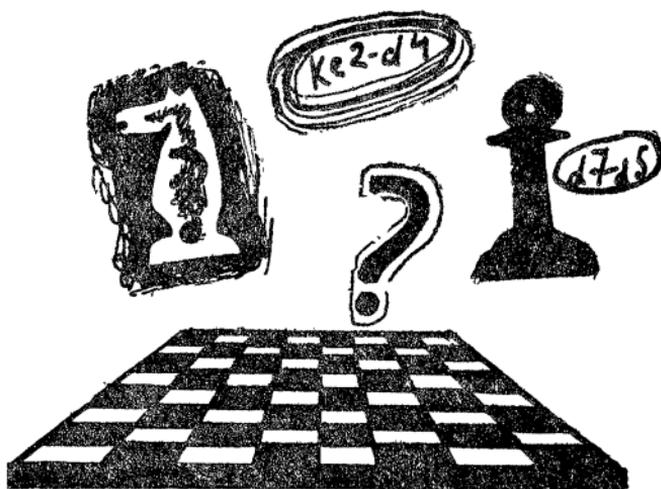
Вот почему шахматы стали в нашей стране одним из средств коммунистического воспитания. Вот почему они завоевали любовь и уважение миллионов советских людей всех возрастов и профессий.

Еще богаче перспективы развития этой мудрой и древней игры в ближайшие десятилетия. Люди коммунистического завтра будут работать всего 6—5 часов в день. Сколько свободного времени окажется у них для общественной деятельности и культурного общения, умственного и физического развития, художественного творчества!

В принятой XXII съездом КПСС Программе Коммунистической партии поставлена благородная задача — воспитание нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богат-

ство, моральную чистоту и физическое совершенство. В огромном арсенале средств, имеющих в распоряжении партии и народа для решения этой задачи, можно назвать и такую замечательную область культуры, как шахматы. Вместе с другими массовыми видами спорта, искусства, культуры они призваны помочь всестороннему и гармоническому развитию личности в коммунистическом обществе.

ГИМНАСТИКА УМА

Сила логики

В «Шахматной новелле» Стефана Цвейга есть такой эпизод. Один австрийский юрист, доктор Б., попадает в лапы гитлеровских оккупантов. Стремясь выведать нужные сведения, гестаповцы полностью изолируют его от мира: он ничего не делает, ничего не слышит, ничего не видит. «Пленник пустоты» не выдерживает утонченной пытки: мозг перестает действовать нор-

мально, и узник уже готов дать требуемые показания. Как раз в этот момент у него в руках случайно оказывается небольшая книжка. То был сборник 150 шахматных партий известных мастеров. В детские годы он играл в шахматы. Оставалось силой воображения воспроизвести в памяти положение фигур на доске, а затем представить в уме весь ход борьбы в партии. И когда, наконец, «игра вслепую» была освоена, в психическом состоянии доктора Б. наступил перелом. Позднее он рассказывал:

— Да, теперь уже я не был одинок в своей безмолвной камере. Регулярные занятия шахматами способствовали тому, что мои начавшие было сдавать умственные способности стали восстанавливаться. Освеженный мозг снова работал как прежде и даже стал еще более гибким и острым. Прежде всего восстановленная способность ясно и логично мыслить сказалась на допросах. За шахматной доской я бессознательно выработал в себе умение защищаться против ложных угроз и замаскированных выпадов, и с тех пор следователи уже не могли захватить меня врасплох. Мне даже казалось, что гестаповцы начали относиться ко мне с известным уважением. Их, возможно, удивляло, из какого неведомого источника черпаю я силы для дальнейшего сопротивления, когда столько людей пришло на их глазах в полный моральный упадок.

Так смотрит Цвейг на роль шахмат в умственной деятельности человека. Обычно в жизни проследить подобное влияние, конечно, труднее. А между тем оно-то и представляет собой одно из замечательных достоинств игры.

В самом деле, посмотрим, как протекает борьба в шахматной партии. Прежде чем сделать очередной ход, шахматист стремится оценить создавшуюся на доске позицию, обдумывает план сражения, анализирует основные продолжения и ожидаемые ответы противника. Иначе говоря, каждая партия от начала до конца составляет цепь логически связанных друг с другом умозаключений.

В шахматной партии легко различить три стадии борьбы: начало (дебют), середину (мигтельшпиль) и конец (эндшпиль). Каждая из них подчинена своей логике.

Достаточно противникам сделать несколько ходов, и на доске развернется увлекательная борьба... Чаще всего игру начинают выходом центральных пешек, затем выводят легкие фигуры, переводят короля в более безопасное место (рокируют), и только после этого и разыгрывается настоящее сражение.

Ну а если шахматист не будет придерживаться логики игры в начале партии? Дорого может обойтись ему такое нарушение. Даже из-за небольшой ошибки иногда возникают длитель-

ные затруднения. А в случае серьезного промаха можно быстро испытать и горечь поражения.

Одна из встреч чемпиона мира М. Ботвинника продолжалась всего 12 ходов. Столь короткая схватка произошла на Московском международном турнире 1935 года. Его противник гроссмейстер Р. Шпильман преждевременно вывел ферзя и вместо развития фигур начал атаку одним конем. Ботвинник легко использовал такую нелогичную игру и заставил соперника сложить оружие еще в дебюте.

Наблюдая за встречами шахматистов, можно заметить, что первые ходы делаются обычно быстро. Они продуманы заранее, а вернее, играющий изучил теорию этого начала. Но вот завершено дебютное построение, и партнеры надолго задумываются. Сопоставляя плюсы и минусы положения, шахматисты намечают общую линию, то есть план игры.

Но бывает и так, что шахматист сделал как будто бы все ходы на основе правильных соображений и вдруг «неожиданно» потерпел поражение. В чем тут дело? Да в том, что логика шахматной игры далека от математической.

Объясняется это прежде всего тем, что любая математическая система заключена в строгие рамки количественных отношений. В шахматах же происходит постоянная переоценка ценностей, переход количества в качество. Наиболее

выразительным показателем этого являются комбинации, жертвы. Но о них мы расскажем позднее. Здесь же отметим, что каждый привносит в борьбу свое понимание позиции, свою логику рассуждений и оценки. И прав в конце концов оказывается тот, кто рассмотрел положение не формально по тем или иным признакам, а сумел глубже понять возможности развития событий на шахматной доске.

Иначе говоря, логика мышления шахматиста находится под неусыпным «контролем». Достаточно небольшого промедления в атаке, небрежности в осуществлении плана, как положение может резко измениться и преимущество перейдет к противнику. Справедлив поэтому тезис, выдвинутый еще в прошлом столетии первым чемпионом мира В. Стейницем:

— Владеющий преимуществом должен атаковать под угрозой потери этого преимущества.

Сложные, полные внутренних противоречий рассуждения шахматиста, постоянно меняющаяся на доске обстановка и, наконец, «встречная» борьба двух логически мыслящих соперников... Как облегчает и помогает все это видеть в жизни диалектическую связь между самыми, на первый взгляд, противоречивыми событиями и явлениями!

Великий немецкий поэт Гёте назвал шахматы пробным камнем ума. Действительно, логика и

диалектика шахматной борьбы являются не только прекрасной гимнастикой, но и своеобразным испытанием умственных сил человека.

Анализ позиции

Истина конкретна.

Ход, сделанный на основе общих соображений, часто бывает ошибочным. Иное дело, если конкретно проанализировать позицию, рассчитать несколько возможных вариантов. Мысленно представляя себе различные перестановки фигур, шахматист вернее найдет лучшее продолжение и обнаружит встречные возможности противника. Недаром говорят в народе: видит око далеко, а ум еще дальше.

В сложной позиции человек не в силах рассчитать все варианты: их слишком много. Но ведь этого и не нужно делать. Та или иная позиция — результат целой серии ходов, логически следовавших друг за другом. Поэтому шахматист отбрасывает многие заведомо непригодные варианты и сосредоточивает свое внимание на нескольких примерно равноценных продолжениях. Такое умение быстро разобраться в самых головоломных осложнениях — характерная черта мышления шахматиста.

Вспоминается в связи с этим рассказ М. Горького о том, как однажды, в канун

революции 1905 года, известный фабрикант Савва Морозов, сочувствовавший революции, спросил его про Ленина:

— ...Не знаешь, в шахматы играет он?

— Не знаю.

— Мыслит, как шахматист. В путанице социальных отношений разбирается так легко, как будто сам и создал ее.

Это наблюдение современников тем более интересно, что В. И. Ленин действительно не только любил, но и хорошо играл в шахматы.

Мастерство шахматиста во многом определяется способностью к анализу и расчету вариантов. Они занимают в партии до 60—70 процентов всего времени, затрачиваемого на обдумывание ходов.

Конечно, позиция позиции рознь. Иногда приходится анализировать в спокойном положении, а иногда в остром, во время атаки или защиты, в начале или конце игры, в цейтноте или когда до контроля остается еще много времени. Ход анализа в каждый из этих моментов различен. Многое зависит от опыта, индивидуальных способностей, умения быстро схватить суть позиции, глубже понять ее особенности и т. д.

Любопытно признание М. Таля по поводу оценки одного положения в 9-й партии матча на первенство мира (1960 г.). После окончания встречи он рассматривал эту позицию вместе с

Ботвинником, а впоследствии в примечаниях к партии писал:

— Когда я начал с пулеметной скоростью выпаливать варианты, рассчитанные во время партии, которые демонстрировали удобность позиции черных, М. Ботвинник сказал: «Мне вначале эта позиция казалась более приятной для белых, но потом я нашел правильный план: нужно ладьи менять, а ферзей сохранить». Вначале такая оценка позиции показалась мне удивительно абстрактной, но когда я начал перебирать те самые многочисленные варианты, то оставалось лишь прийти к выводу, что М. Ботвинник был абсолютно прав: в окончании без ферзей стройная пешечная цепь белых при поддержке активного слона обеспечивала им определенный перевес. При наличии на доске ферзей черные могли рассчитывать на сильную атаку...

В позиции, о которой упоминает Таль, вся сложность состояла в разработке плана. Здесь конкретный анализ может занимать подчиненное место. Гораздо большую роль играет он в острых позициях, где нужно найти форсированный вариант, ведущий к победе или к ничьей, или в эндшпиле, в котором требуется рассчитывать вперед на большое число ходов.

Еще больше отличается направление аналитической мысли во время партии от домашнего

анализа. Ведет ли шахматист игру по переписке, когда противник находится за тридевять земель, или готовится к турниру и просматривает любимые дебютные системы, изучает ли он партии будущих противников или исследует ошибки и недочеты в своей игре — время его не подхлестывает так сильно, как в партии. Он может рассматривать столько вариантов, сколько нужно, передвигать фигуры и спокойно оценивать послевариантные позиции.

Умение анализировать в спокойной, неигровой обстановке — особый дар. Можно даже быть не очень сильным шахматистом, но превосходным аналитиком. В середине прошлого века, например, русский шахматный мастер К. А. Яниш уступал по силе игры другим мастерам — современникам А. Д. Петрову, братьям Сергею и Дмитрию Урусовым и И. С. Шумову. Но его аналитические исследования и среди них двухтомный труд «Новый анализ начал шахматной игры» составили целую эпоху в развитии теории шахмат и завоевали ему славу одного из выдающихся шахматных теоретиков XIX столетия. В настоящее время известен ряд советских шахматистов-перворазрядников, успешно состязавшихся в турнирах по переписке с мастерами.

Своеобразен анализ отложенной партии. В данном случае домашняя аналитическая работа должна быстро получить практическую провер-

ку: доигрывание происходит обычно через несколько дней или на следующий день, а то и через несколько часов. Это повышает ответственность анализа. Вот где нужна предельная точность в расчете вариантов, умение находить малейшие скрытые возможности, озадачить противника неожиданной идеей, рожденной в ходе кропотливого домашнего разбора.

Недавно гроссмейстер П. Керес на страницах журнала «Шахматы в СССР» поделился своим опытом анализа отложенной позиции. Его партия с Шапилем на турнире в Щавно-Здруй (1950 г.) была прервана в эндшпиле. У каждой стороны имелось по ладье, коню и четыре пешки. Но у Кереса (черные) одна из пешек была проходной, что и вселило в него уверенность в легкой победе. Когда же он дома стал более внимательно рассматривать позицию, то обнаружил, что дела его противника не так уж плохи: у него есть шансы создать опасные матовые угрозы черному королю. И чем глубже он анализировал эту, на первый взгляд, простую позицию, тем больше тонкостей и скрытых возможностей в ней находил. В конце концов Керес нашел путь к выигрышу, но он был далеко не таким простым, каким показался при откладывании партии. Более 10 страниц машинописного текста заняло у Кереса сжатое изложение анализа этой позиции.

Но бывает и так, что в отложенной позиции шансы хуже, чем у противника. В этом случае анализировать ее следует особенно тщательно, стремясь преподнести сопернику самые неожиданные сюрпризы. Известно, что мастера не только уверенно доводят до победы партии, отложенные даже с незначительным перевесом, но благодаря глубокому анализу спасают иногда, казалось бы, совершенно безнадежные позиции. А таких случаев немало в творческой биографии каждого крупного шахматиста. Вспомним, например, окончание партии Ботвинника против Эйве в Гроцингенском международном турнире (1946 г.). К перерыву положение у Ботвинника было настолько трудным, что поражение казалось неминуемым. Корреспонденты уже поспешили передать по телеграфным лентам во многие столицы мира: Ботвинник проигрывает. Но во время перерыва советский гроссмейстер нашел в ладейном окончании вариант, который явился полной неожиданностью для противника и всех участников турнира, и партия закончилась вничью.

В прошлом году любители шахмат были свидетелями аналогичного эпизода во время матча-реванша Таль — Ботвинник. 20-я партия была отложена с преимуществом у Таля, и его победа не вызывала сомнений ни у мастеров, ни у Таля, который в случае выигрыша мог еще бороться

за ничейный исход матча. Ботвинник, однако, нашел такие варианты, которые привели к патовому положению, то есть к ничьей.

Шахматист иногда подолгу думает над ходом — 10, 20, а то и 30 минут. Что заставляет его так долго размышлять? Какие идеи он хочет провести, какие варианты и комбинации в это время рассчитывает? Ходы, сделанные в шахматной партии, составляют, может быть, сотую долю продуманных шахматистом продолжений...

Есть только один путь, который позволяет вникнуть в творческую лабораторию шахматиста, раскрыть мотивы, которыми он руководствовался, избирая тот или иной ход. Это — комментарий к сыгранной партии.

Заслуженный мастер спорта П. А. Романовский удачно сравнил шахматиста-комментатора с исполнителем музыкального произведения. Композитор сочиняет, творит произведение. Но далеко не каждый автор является блестящим исполнителем. Зато имеются исполнители, порой гениальные (вспомним изумительное мастерство Вана Клиберна и Давида Ойстраха), которые призваны донести до широкой публики идею, красоту произведения, раскрыть всю глубину содержания.

Так же и в шахматах. Мастер сыграл партию, создал произведение шахматного искусства. Но для широкой публики при чтении скупой записи

ходов многое в содержании партии может быть неясно. И здесь на помощь приходит комментатор. Он раскрывает замыслы противников, красоту комбинации, неосуществленные идеи. Так, благодаря примечаниям партия становится произведением, доступным для масс.

Непревзойденным мастером анализа и комментария к партиям был чемпион мира А. Алехин. Он умел выявить творческие особенности мышления шахматиста и, как никто из мастеров прошлого, анализировать собственные партии. В примечаниях к одной из своих партий Алехин писал:

«Я думаю, что было бы в интересах миллионов любителей шахмат и самой игры, если бы мастера, давая пояснение к своим партиям, несколько откровеннее высказывались о мотивах, вынудивших их избрать определенные ходы или предпринять ту или иную комбинацию, безразлично, окажутся ли эти мотивировки в конечном счете правильными или неправильными. Мы больше учимся на собственных ошибках, хотя ошибки других и кажутся боле поучительными».

Есть комментаторы, анализ и примечания которых близки к подлинно художественным произведениям: в них встречаются сравнения с жизнью, лирические отступления, шутки и т. д. Замечательным таким комментатором был гроссмейстер С. Г. Тартаковёр — «Ван Клиберн в

шахматах». Свои примечания к партиям Тартаковер сопровождал афоризмами, в которых метко и порой с долей юмора раскрывал психологию шахматиста. Вот некоторые его афоризмы:

«Только сильный знает, как слабо он играет.

Бывают неудачные победы и славные поражения.

Комбинация — душа шахмат.

Жертвуй, чтобы не стать жертвой!

Шахматная партия это, обыкновенно, сказка из тысячи и одной ошибки.

Есть игроки, играющие слабо и не знающие, что они играют слабо: это невежды — избегай их! Есть игроки, играющие слабо и знающие, что они играют слабо: это рассудительные — помоги им! Есть игроки, играющие хорошо и не знающие, что они играют хорошо: это скромные — уважай их! Есть игроки, играющие хорошо и знающие, что они играют хорошо: это шахматные мудрецы — следуй им!»

В настоящее время лучшими комментаторами партий являются советские шахматисты. Их примечания конкретны, содержат варианты, раскрывающие идейные замыслы борьбы. Но при общности метода у них имеются различия в манере комментирования. Легко отличить полный здравого смысла анализ Кереса от дидактических наставлений в примечаниях Котова, окруженные философской дымкой комментарии Брон-

штейна от примечаний Романовского, полных практического опыта и мудрости жизни. Но цель у всех одна — сделать партии понятными, близкими широкому кругу любителей шахмат.

Составление комментариев к партии помогает совершенствованию шахматиста. Поэтому для любителей шахмат полезно участвовать в конкурсах составления примечаний, устраиваемых нередко шахматными журналами и газетами.

Тренировка памяти

Чудесное это свойство человеческой психики — память!

Мы на всю жизнь сохраняем в памяти дорогие с детства черты матери. Надолго запоминаем картины природы, когда-то поразившие наше воображение. В памяти остаются события, которые, начиная со школьной скамьи, оставляют яркий след в нашей жизни.

Многие от природы одарены хорошей памятью. Но и те, которые не могут похвастаться памятью, имеют немало возможностей развить ее, тренировать. Для этого можно рекомендовать изучение математики, иностранного языка, да и вообще любые занятия, которые заставляют многое запомнить, чтобы затем применить в практической жизни.

Есть еще одно средство для развития памя-

ти, как известно, особенно легко поддающейся тренировке с юных лет. Это — шахматы. Недавно я встретил товарища по университету. Он вспомнил нашу партию из первенства Московского университета, игранную 20 лет назад, и подробно рассказал о том, как он красивой жертвой слона форсировал ничью и как это повлияло на расстановку мест в чемпионате. При этом воспроизвел в памяти всю таблицу турнира, кто сколько набрал очков. Сейчас он кандидат в мастера, и поэтому можно сказать, что обладает «профессиональной» шахматной памятью. Но нетрудно заметить, что почти все сильные шахматисты обладают вообще хорошей памятью.

В истории шахмат известны мастера, обладавшие феноменальной памятью. Гроссмейстер Акиба Рубинштейн помнил все партии, игранные им в соревнованиях. А Александр Алехин мог восстановить в памяти не только свои, но и лучшие партии крупнейших шахматистов мира за последние 60—70 лет. Когда С. Шишко спросил его однажды, не помнит ли он первую партию матча Урусова с Петровым, игранную в Варшаве в 1859 году, Алехин спокойно ответил:

— Белые допустили неточность на пятом ходу, черные — ошибку на десятом.

И в жизни Алехин обладал редкой памятью. Однажды юному шахматисту для проверки способностей запоминания дали перевод романа ма-

неизвестного испанского автора и раскрыли наугад одну из страниц. Алехин сел в кресло и стал внимательно вглядываться в текст. Не прошло и четырех минут, как он вернул профессору Цитовичу книгу, а затем уверенно, без единой ошибки, воспроизвел по памяти текст полутора страниц.

Но едва ли можно шахматную память отождествлять с таким запоминанием. Когда играется партия, то у шахматиста возникают не только зрительные и осязательные представления. Активную роль в запоминании играют мысль и эмоции. Такое «комплексное» восприятие и объясняет, почему шахматист не только на следующий день, но и много лет спустя может повторить игранную им партию. Когда он рассматривает партии других шахматистов, то и здесь нет места простому механическому заучиванию, а происходит осмысливание игры, анализ ряда ходов, эмоциональное восприятие красивых комбинаций.

Тренировке памяти способствует не только запоминание партии. Немалое значение имеют систематические занятия шахматной теорией. Память шахматиста непрерывно обогащается знаниями в области дебюта, миттельшпиля и эндшпиля.

Современная теория дебютов обширна. В популярном дебютном руководстве можно насчи-

тать десятки употребительных начал. Те из них, которые шахматист намеревается применять в соревнованиях, должны быть изучены особенно хорошо. И беда шахматисту, если он лишь механически выучит эти варианты: противник всегда может отойти от теоретических путей или применить давно забытые дебютные системы. Поэтому главное — глубоко усвоить идею дебюта, а затем самому проанализировать любимшее продолжение.

Большого прогресса достигла и теория концов игр. В последнее время шахматистами выпущены фундаментальные труды, в которых содержатся новые открытия в области эндшпиля. Сейчас нельзя стать хорошим шахматистом, не усвоив знаний в этой области.

Итак, сознательное, логическое усвоение, постоянно стимулируемое и проверяемое практикой, — такова отличительная особенность занятий шахматной теорией, их воздействия на память шахматиста.

Но есть в шахматах еще одна возможность для тренировки памяти. Это — игра «вслепую». Некоторые даже увлекаются ею.

В чем особенность этой игры? Обычно перед шахматистом находится доска с фигурами, и он анализирует в уме продолжения на несколько ходов вперед. При игре вслепую нужно все время держать в памяти и самую позицию, которая слу-

жит основой для расчета вариантов. Такое запоминание с каждым ходом меняющейся позиции требует очень большого умственного напряжения.

Тем не менее с давних пор отдельные шахматисты практиковали эту игру, и с каждым столетием находились рекордсмены, добивавшиеся все более удивительных результатов.

Если в XVIII веке Филидор играл, не глядя на доску, одновременно три партии и это считалось чудом, то в середине прошлого века Морфи пробовал силы в борьбе против восьми партнеров. А в 1938 году Алехин установил мировой рекорд, состязаясь сразу против 32 шахматистов и одержав победу в 19 партиях при 4 проигрышах (остальные закончились вничью). Казалось, что это предел человеческих возможностей. Однако даже эти результаты были превзойдены сначала гроссмейстером Найдорфом, дававшим сеанс на 45 досках, а недавно в Будапеште — 27-летним венгерским мастером Яношем Флешем. Играя вслепую против 52 сильных шахматистов, он за 12 часов игры (при четырех десятиминутных перерывах) проиграл лишь 3 партии, выиграл 31 и свел вничью 18.

При игре вслепую качество партий ниже, чем в обычных сеансах. К тому же злоупотребление такими состязаниями вредно отражается на здоровье человека, безо всякой нужды перенапря-

гающего свою память. Еще сто лет назад А. Петров остроумно писал, что легче нырять на дно морское и доставать жемчуг, чем играть вслепую, что такая игра — это лишь фокусы для изумления публики, не приносящие никакой пользы шахматному искусству. Так же относятся к игре не глядя на доску советские шахматисты.

Все же остальные виды шахматных соревнований несомненно полезны для развития шахматной памяти, как и вообще умственных способностей человека.

Способности шахматиста

— Я люблю шахматы потому, что это хороший отдых; они заставляют работать головой, но как-то очень своеобразно.

В этих словах великого русского писателя Л. Н. Толстого шахматы предстают перед нами как активный отдых, связанный с переходом от одной умственной работы к иной. Шахматная борьба как бы «будоражит» мозг, вызывает своеобразную игру умственных сил, служит прекрасной, освежающей умственной зарядкой. Этим шахматы с давних пор привлекали к себе внимание многих выдающихся ученых, писателей, деятелей культуры.

После напряженного умственного труда или

бурных политических схваток любил иногда отдохнуть за шахматной доской Владимир Ильич Ленин. Насыщенная острыми комбинационными осложнениями и стратегическими маневрами, шахматная борьба как нельзя лучше подходила к его деятельной натуре.

Неотъемлемой частью труда и отдыха были шахматы в последние годы жизни Толстого. После многочасовой писательской работы Лев Николаевич чувствовал к концу дня потребность к другой, резко отличающейся от нее, умственной нагрузке. Ее-то он и находил в шахматах.

Так же относился к игре великий русский ученый Д. И. Менделеев. Не успевали окончиться экзамены у студентов или завершиться сложные исследования и эксперименты, как Дмитрий Иванович уже искал партнера, чтобы сразиться в шахматы. Сыграв одну-две партии, он чувствовал себя отдохнувшим и мог до поздней ночи продолжать научную работу.

— Для меня, — говорил Менделеев, — наука, как игра в шахматы. Ну вот нравится проводить время в таком занятии.

Две-три легкие партии, сыгранные за вечер, час-два, проведенные за шахматами, это, несомненно, активный отдых.

Ну а если партия длится без перерыва 4—5 часов, можно ли в этом случае рассматривать игру как средство отдыха? Нет, здесь налицо

серьезное спортивное соревнование, требующее большого напряжения умственных сил. Польза от него, особенно для молодежи, гораздо большая, чем от легких партий.

Вспомним обычную физическую зарядку. Если она продолжается 5—10 минут, то мы, как говорится, немножко «размяли кости». Если та же зарядка будет длиться ежедневно полчаса да еще со снарядами, то мы скоро почувствуем, как заиграют и окрепнут мускулы ног, рук, всего тела.

Примерно то же самое происходит при игре в шахматы. Легкие партии — это ободряющая умственные силы зарядка. А серьезно проведенная продолжительная встреча за шахматной доской — это уже подлинная гимнастика ума, настоящая тренировка умственных способностей.

Каждый человек способен научиться более или менее хорошо играть в шахматы. Правда, у одного склад ума не позволяет преуспевать в этом искусстве, а у другого, может быть менее склонного к другим видам умственной деятельности, именно здесь проявляются проблески способностей.

Знаменитый французский просветитель Вольтер говорил:

— Я употребил на шахматы, пожалуй, больше времени, чем на какое-либо дело. Я их люблю, увлекаюсь ими, а отец Адам, эта тупица,

постоянно меня обыгрывает без всякого сожаления. Все имеет свои пределы...

Своеобразие воздействия шахмат на психику вызывает к жизни и особую форму умственной одаренности. Но отсюда было бы неверно делать вывод, что выдающиеся мастера наделены лишь шахматными способностями и являются посредственностями во всех других областях деятельности.

Такой образ нарисован Стефаном Цвейгом в упоминавшейся уже «Шахматной новелле». Здесь, по замыслу автора, первым шахматистом мира становится невежественный и придурковатый парень Мирко Чентович. Его неповоротливый мозг, отмечает писатель, не схватывал простейших вещей. В 14 лет он все еще считал по пальцам и с огромным трудом мог прочитать отрывок в книге или газете. И вот у этого недоросля, в 15-летнем возрасте случайно познакомившегося с шахматами, вдруг раскрылся необычайный талант к игре.

Ему понадобилось всего шесть месяцев, чтобы овладеть «всеми секретами шахматной техники». Цвейг пишет:

«Лучшие игроки, несравненно превосходившие его умом, силой воображения и смелостью, не смогли противостоять его железной, холодной логике... Таким образом оказалось, что в блистательное общество шахматных мастеров, среди

которых были видные представители самых разнообразных отраслей культуры — философы, математики, люди, обладающие художественным чутьем, изобретательскими способностями и нередко творческим талантом, — затесался совершенно чуждый и неподходящий человек, хмурый, молчаливый и неразвитой деревенский парень».

Может ли такое чудо появиться в действительности и с триумфом овладеть шахматной короной? Мало вероятно. Во всяком случае, таким не был ни один чемпион мира. Все они не только блестяще играли в шахматы, но и были высоко и многосторонне образованными людьми, обычно специалистами и в какой-то другой области культуры и знаний. Все они выступали со статьями по принципиальным вопросам развития шахмат, писали книги, редактировали журналы и т. д. М. Ботвинник успешно сочетает занятия шахматами с научными исследованиями в области электротехники, за что удостоен ученой степени доктора технических наук.

Богато одарен природой и молодой экс-чемпион мира М. Таль. Еще в детские годы у него проявились способности ко многим наукам. В 15 лет Таль, серьезно увлеченный литературой, становится студентом Латвийского университета, который через пять лет блестяще оканчивает и одновременно завоевывает почетное звание чемпиона СССР по шахматам.

Некоторые выдающиеся мастера преуспевают и в других, резко отличающихся от шахмат, видах искусства. Кто знает, может быть, если бы не шахматы, то экс-чемпион мира В. Смыслов был бы знаменитым певцом, а гроссмейстер М. Тайманов не менее известным пианистом? Помню, как в 1946 году профессор Д. Ойстрах (я играл тогда с ним партию в турнире Центрального дома работников искусств) с восхищением отзывался о только что начинавшем свою шахматную карьеру молодом мастере и выпускнике Ленинградской консерватории Марке Тайманове. Тайманов, говорил он, столь же щедро одарен шахматными способностями, как и музыкальными. Ойстрах оказался прав: сейчас М. Тайманов не только пианист, выступающий с фортепианными концертами, но один из ведущих гроссмейстеров мира. К этому добавим, что Тайманов в последние годы успешно выступил и в литературе — он автор монографии о защите Нимцовича и книги «Зарубежные встречи».

Пристального внимания заслуживают юные талантливые шахматисты. Так же как в математике, музыке, живописи, имеется не мало примеров раннего проявления одаренности в шахматном искусстве. Такие дети уже в 6—7 лет постигают премудрости игры, а в 10—12 лет могут успешно сразиться с шахматными мастерами.

Можно назвать немало крупных шахматистов, у которых еще в детстве проявились незаурядные способности к игре. Это А. Петров, П. Морфи, Х. Р. Капабланка, в 12 лет победивший в матче Корцо и ставший чемпионом Кубы, А. Алехин, С. Решевский, Р. Фишер и другие.

За границей таких детей называют вундеркиндами — «чудо-детьми». И это не случайно. Условия жизни в странах капитала не только не способствуют, а скорее мешают выдвижению и проявлению шахматных дарований, как, впрочем, и в других областях искусства.

В Советской стране созданы все условия для выдвижения талантов. Недавно в Ташкенте проявил яркие способности в шахматах Эрнест Ким. Уже в 5 лет он успешно играл с шахматистами второго разряда, а через год получил сам такой же разряд. Рано выдвинулись в соревнованиях М. Ботвинник, В. Смыслов, Д. Бронштейн, М. Таль, М. Тайманов, Б. Спасский, И. Болеславский, А. Уфимцев, Л. Полугаевский и многие, многие другие.

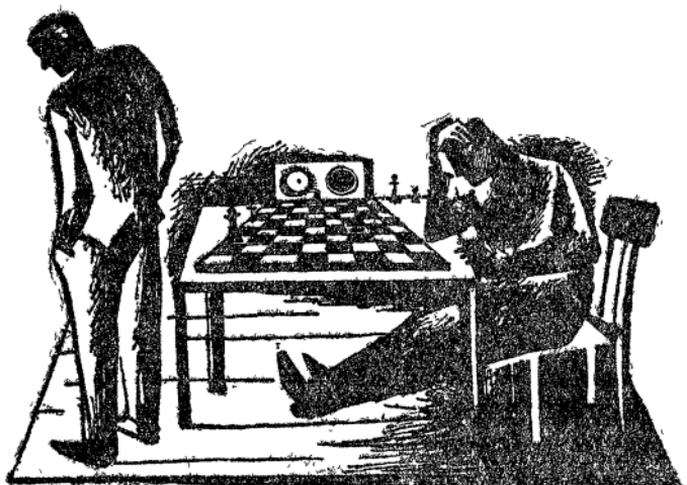
И все же мало кто мог думать, что 14-летний школьник Миша Ботвинник, выигравший в сеансе у Капабланки в 1925 году, будет чемпионом мира. Это потому, что у нас много талантливых детей и юношей, увлекающихся шахматами, и перед всеми ними открыты дороги, равные возможности. Потому, что руководители кружков на

стадионах и в Дворцах пионеров старательно оберегают юных шахматистов от лавров и обращают внимание на их учебу в школе и физическую подготовку. В случае неуспеваемости (правда, такие случаи бывают редкими) школьникам запрещается посещение шахматного кружка.

Как объяснить раннюю природную одаренность в шахматной игре? Пока что наука не дает ответа на этот вопрос. А между тем изучение таких явлений могло бы пролить некоторый свет вообще на характер способностей шахматиста.

Какие бы интересные открытия ни сделала в будущем наука, можно уже сейчас сказать: шахматная игра — замечательное средство воспитания умственных способностей человека. Совершенствуя мышление, шахматы тем самым помогают нам в повседневной жизни и труде.

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА

Воля, мужество, стойкость

Шахматист поднял руку и хочет взять фигуру. На мгновение он застыл в такой позе, затем опустил руку, так и не сделав хода...

Каждый, кто наблюдал за игрой, понимал его состояние. Позиция была очень острой, имелось несколько продолжений. На какое же из них решиться? Какое скорее приведет к цели?

Как правильно заметил мастер Б. Блюменфельд, сделать ход зачастую труднее, чем найти

правильный ход. Ибо в шахматной партии то и дело возникают сложные ситуации, в которых надо преодолевать «муки сомнений и колебаний». За исключением некоторых теоретических вариантов вся партия представляет собой как бы целую серию таких переходов от мысли к действию, на которую нужно затрачивать волевые усилия. Они нужны везде и всюду — составляете ли вы план, выбираете ли объект для атаки или хотите осуществить комбинацию.

Однако далеко не у всех людей одинаковая сила воли. Одни шахматисты обладают ею в большей степени, иные в меньшей. Но более важно другое. Шахматы — прекрасное средство для развития и совершенствования волевых качеств и навыков. В игре нужно немало таких качеств, и прежде всего дисциплинированность мысли, решительность, устойчивость внимания, сосредоточенность, хладнокровие, мужество, стойкость.

Несколько часов продолжается иногда шахматная партия. Трудно не отвлечься посторонними предметами и мыслями. Но без устойчивого, концентрированного внимания разве можно провести всю партию последовательно, логично сильно?!

Особенно благотворно в этом направлении действуют шахматы в детском возрасте. Не говоря уже о характере игры, сами занятия шах-

матами, требующие внимания и усидчивости, хорошо влияют на детей: у них исчезает рассеянность, они становятся более собранными, усидчивыми, начинают лучше учиться.

Процесс игры и особенно атака и защита в партии способствуют формированию и развитию у человека таких моральных качеств, которые специфически проявляются в шахматной борьбе. Успех сопутствует чаще тем, кто смело атакует, мужественно обороняется, не боится риска, умеет бороться до конца.

— Лучше самому атаковать, нежели ожидать атаки, — утверждал еще А. Петров.

Такого же взгляда придерживаются и советские шахматисты, игра которых отличается постоянным стремлением к инициативе.

Многообразны формы атаки в шахматной партии. Наступление может вестись в центре доски или на флангах, нарастать медленно или со стремительной быстротой, сопровождаться позиционным маневрированием или эффектными комбинационными ударами. Шахматист должен смело вести пешечный штурм, поддерживаемый фигурами, вскрывать линии, жертвовать пешки и фигуры для разрушения прикрытия короля.

Пожалуй, мы не найдем шахматиста, который бы не имел в своем активе несколько успешно проведенных наступлений. Но есть шахматисты, для которых атака — стихия. Они любят созда-

вать бурные осложнения на доске, пускаться в самые рискованные плавания, вести отчаянные штурмы. И так же как в жизни мы восхищаемся людьми отважными, готовыми в любую минуту ринуться в бой, в шахматах нас привлекают к себе партии, где борьба полна риска, смелых идей и комбинаций, красивых атак и контратак.

В шахматах, как и в жизни, страх — плохой советчик. Зато самый отчаянный риск может нередко спасти, казалось бы, совершенно безнадежную позицию. Б. Блюменфельд рассказывает о таком эпизоде в одной из консультационных партий с участием Алехина.

— Алехин в трудном положении пошел на продолжение, где его король выходил на середину доски, при наличии на доске ферзей и ряда фигур. Это был единственный шанс, на который трудно было решиться не только потому, что сам шанс был неясный и нельзя было рассчитать, но и потому, что «страшно», примерно так, как страшно идти навстречу танку. Все-таки Алехин решился, и этот шанс оправдался (партия окончилась ничьей).

В шахматах никогда не надо терять надежды. Нужно помнить что ресурсы защиты очень велики. Тем более, что безошибочной игры не существует и в случае оплошности роли в партии могут перемениться.

Защита тоже может быть увлекательной и достойной восхищения. Многие выдающиеся шахматисты прошлого — В. Стейниц, Эм. Ласкер, А. Нимцович, К. Шлехтер — были замечательными мастерами активной защиты, то есть такой защиты, в задачу которой входит не только отражение угроз, но и попытки перехватить инициативу. В настоящее время высокое искусство защиты является неотъемлемой частью шахматного мастерства.

Наблюдая за поведением шахматистов в цейтноте (когда до истечения контроля времени остаются считанные минуты), можно иногда видеть такую сцену: один партнер сильно нервничает, попеременно смотрит то на часы, то на доску, судорожно хватается за фигуры, страшно боится просрочить время и даже перестает вести запись партии... В то же время противник, у которого положение с временем не лучше, внешне совершенно спокоен, пристально следит за действиями на доске, лишь изредка поглядывает на часы, записывает на бланке очередные ходы. Ясно, что хладнокровный шахматист может гораздо успешнее бороться в цейтноте, чем его излишне впечатлительный соперник.

Играя в шахматы, человек учится хладнокровно смотреть в глаза опасности, отражать угрозы и в свою очередь наносить противнику самые неожиданные удары.

Соревнование не ограничивается одной партией. В турнире нужно сыграть до полутора и двух десятков встреч с разными противниками. Это еще более усиливает напряженность состязания. С каждым днем увеличивать количество побед, не теряться после поражения, а еще ожесточеннее бороться за победу в следующих партиях, наконец, напрячь все силы для успешной игры до конца турнира — все это тоже требует силы воли.

Случалось, «фортуна» изменяла шахматисту в последних турах, когда, казалось бы, уже близка была победа! И это лишало участника пледов многих дней упорной борьбы. Поэтому в конце турнира нужны особая выдержка, волевой натиск, которые помогают одержать решающие победы и выйти на первое место.

Но ведь одним состязанием не ограничивается выступление шахматиста. От одного соревнования к другому ему надо проявлять все большую и большую настойчивость в овладении мастерством и достижении более высоких результатов. Если это начинающий шахматист, то ему еще много трудностей предстоит преодолеть на тернистом пути к третьему-второму разряду. А впереди еще более заманчивые дали — мастер, может быть, даже гроссмейстер. Редко удается плавно пройти все эти ступени. Могут быть неудачи и срывы. Потребуется большая

учеба, много усилий, чтобы вскарабкаться по лестнице шахматной славы...

Так шахматная партия, шахматное состязание и подготовка к нему воспитывают в человеке силу воли, выдержанность, сосредоточенность внимания, стремление к инициативе, мужество, стойкость и другие качества.

Психология творчества

Каждый, кто наблюдал бокс, наверное обращал внимание на необычайно развитую у спортсменов быстроту реакции. Малейший поворот, неудачно сделанное движение, и на противника сыплется град ударов. А теперь представьте, что один из боксеров вдруг задумался, загляделся на своего соперника... Тяжело обошлось бы ему такое отвлечение: он был бы моментально нокаутирован своим недремлющим противником.

Иное дело в шахматах. Здесь и времени на обдумывание очередного удара больше, да и полезно иногда отвлечься от логики событий на доске и подумать о своем партнере.

И вот почему. У шахматиста по существу «два» противника. Один — воображаемый, идеальный, а другой — действительный, тот, который сидит за доской. И как различны они бывают между собой!

Вот шахматист рассчитывает варианты, оце-

нивает позицию и находит лучший ход как со своей стороны, так и со стороны противника. Но ведь этот ход-то лучший с его точки зрения, предполагающий некоего идеального соперника. Рядом же сидит человек с совершенно другим характером, умением, темпераментом, пониманием позиции и, наконец, иными способностями к расчету вариантов. И он часто делает поэтому не тот ход, который предположил его противник.

Вот тут-то и возникает конфликт. Шахматист как будто не плохо понимает позицию, анализирует, комбинирует, но больших спортивных успехов никак не может добиться. «Корень зла» оказывается в том, что он не учитывает особенностей игры и характера противника.

Часто ведутся разговоры о двух стилях игры: позиционном и комбинационном. Что касается сути этих терминов, то в первом случае имеется в виду более спокойная и сухая игра, построенная на строгой логике позиции; во втором случае речь идет о стремлении к острой игре, о желании насытить ее комбинационными возможностями. Правда, среди известных мастеров трудно встретить сейчас представителей того и другого стиля, которые играли бы лишь в строгом соответствии с этими методами. У шахматиста позиционного стиля можно встретить прекрасные комбинации, а у мастеров комбинационной игры — тонкие позиционные маневры. Следо-

вательно, резкую грань едва ли можно здесь провести, тем более, что упорной работой над совершенствованием своей игры можно сильно развить и позиционное понимание и комбинационную изобретательность.

И все же в целом различие стилей игры остается. Чем оно вызвано? Способностями, характером человека, его темпераментом. Динамика психических процессов и действий, как известно, выражается в темпераменте. По всей вероятности, ему-то и принадлежит решающее слово в определении стиля игры. Люди энергичные, горячие, подвижные, веселые, по-видимому, более расположены при соответствующих способностях и волевых качествах к комбинационному творчеству. А люди медлительные, спокойные, холодные, «рассудочные», а также нерешительные, робкие оказываются более склонными к позиционной игре.

Конечно, такое разделение может быть очень условным. Например, человек медлительный, спокойный, но с большой силой воли и хорошим комбинационным зрением, которое, кстати, может быть развито благодаря волевым усилиям, нередко играет куда в более остром «комбинационном» стиле, чем энергичный, горячий, но с недостаточно волевым характером (благодаря чему он может стремиться не к победе, а к тихой ничейной гавани).

Бывают такие примеры и среди крупных шахматистов. Австрийский шахматист К. Шлехтер обладал большим комбинационным дарованием; однако по натуре своей он был очень миролюбивым человеком, потому игра его то и дело переходила на позиционные рельсы, и партия заканчивалась вничью. Другой шахматный мастер Р. Тейхман также обладал не только замечательным позиционным чутьем, но и великодушным комбинационным зрением. И что же? В таблице у него большей частью стояли половинки, так как он не был боевой натурой, отличался редкой флегматичностью. Зато острый, комбинационный стиль игры их современника Д. Яновского полностью соответствовал его темпераменту. «Это был, — вспоминает гроссмейстер Шпильман, — холерик, человек раздражительный, вспыльчивый, своенравный».

Шахматисты отличаются друг от друга, понятно, не только стилем игры, но, как и все люди, привычками, настроением, здоровьем и т. д. Это тоже влияет на течение партии, на ход турнира, на творческие и спортивные результаты. Предположим, что у одного из партнеров сильно болит зуб, или появился насморк, или вдруг во время партии начались боли в желудке. Может быть и другое — несчастье дома, тяжело заболел кто-то в семье. Разве это не повлияет на настроение и состояние во время игры?

Или совсем другое. В предыдущем туре один шахматист выиграл, другой проиграл. Один испытал горечь поражения, а другой радость победы. Ведь ясно, что оба они с разным настроением сядут играть за доску на следующий день.

А возьмите такие мелочи, как привычки человека. Один курит, другой не терпит табачного дыма, третий качает ногу во время игры, четвертый смеется или ест и т. д. Один не обращает на все это внимания, а другой, очень нервный и раздражительный, чувствует, как это мешает ему играть.

Шпильман в своей книжке «О шахматах и шахматистах» рассказывает такой курьезный случай.

— Однажды Тартаковер играл против Нимцовича; последний заказал стакан чаю. Размешивая сахар, он звякал ложечкой о стакан, что вызвало у Тартаковера подозрение в намеренном желании подействовать ему на нервы. Око за око! Тартаковер тотчас заказывает себе, — но не стакан чаю, а пустую чашку с ложечкой, и принимается на них музицировать...

Конечно, на поведение шахматистов во время партии сильно влияет окружающая обстановка, помещение, где происходит игра, зрители. Трудность положения мастера усиливается тем, что игра сплошь и рядом, особенно во время ответственных состязаний, выносится на сцену, за

которой наблюдают тысячи глаз, остро реагирующих на каждый ход.

Это поистине шахматный спектакль, который длится непрерывно 5 часов! И понаблюдайте, как различно ведут себя в это время «актеры» — шахматисты. Один, сделав ход, ходит вокруг стола, как коршун вьется вокруг своей добычи, другой внимательно смотрит на противника, третий начинает, не обращая ни на кого внимания, упрямо шагать из одного конца сцены в другой, четвертый то и дело смотрит в зал, как будто ища в ком-то сочувствия и понимания, пятый не прочь обмолвиться с кем-нибудь двумя-тремя репликами и т. д. Сколько участников, столько и разнообразных привычек и особенностей поведения.

Подобно тому как актер, перевоплощаясь в изображаемого героя, должен забыть о том, что он на сцене, так и шахматист должен научиться возможно полнее выключаться из окружающей обстановки. Такое «самовыключение» позволит ему настолько войти в процесс игры, что он не будет реагировать на возгласы зрителей, сможет глубже вникать в особенности позиции.

Хорошим примером подобного «самовыключения» может служить случай, происшедший на международном турнире 1909 года в Петербурге.

Отойдя от своей доски, Тартаковер напра-

вился на выход и нечаянно задел за салфетку маленького столика с графином воды. Графин упал, разбился. От громкого шума и неожиданности игравшие вскочили со своих мест и на минуту прервали игру. Графин упал возле Берна... Но тот в это время думал над своим ходом и сидел невозмутимо, как будто ничего не произошло. И действительно, как выяснилось позже, он даже не слышал звона разбившегося графина. Так поглощен был Берн обдумыванием позиции.

Сложен и многообразен процесс шахматного творчества. Он требует от шахматиста не только знаний, способностей, навыков. Нужно учиться использовать в борьбе психологические моменты. Для этого не плохо знать своего противника не только как шахматиста, но и как человека.

На заре шахматной игры психологическое оружие сводилось к довольно примитивным трюкам и приемам. Так, еще в конце XVIII столетия известный американский ученый и общественный деятель Вениамин Франклин в работе «Нравственность игры в шахматы» дает шахматистам несколько советов, как вести себя во время игры. Среди них такие этические рекомендации:

— ...Если ваш противник долго думает, вы не должны торопить его или выражать нетерпение при его промедлении (тогда еще не применя-

лись шахматные часы. — *И. Л.*) Вы не должны ни петь, ни свистеть, ни смотреть на часы, не должны брать и читать книгу, постукивать ногами по полу или пальцами по столу, или делать что-нибудь, что может отвлекать его внимание. Потому что все эти вещи очень неприятны, и они не обнаруживают вашего искусства в игре, но скорее вашу хитрость и вашу грубость.

Сегодня такие советы могут показаться наивными, но они свидетельствуют о том, что манера игры и внешнего поведения шахматиста во время партии давно привлекала умы. Кстати, уже тогда мастера указали на некоторые психологические особенности самой игры. В учебнике австрийского шахматиста И. Альгайера (1795 г.), руководстве А. Петрова (1824 г.) мы можем найти такие наставления, как необходимость разминывать фигуры (например, слонов или коней), которыми противник особенно искусно играет.

Подобные замечания были лишь первыми намеками на использование психологических особенностей шахматной игры. Впервые глубоко и на широкой философской основе подошел к решению этой проблемы шахматного творчества в конце прошлого века Э. Ласкер. На шахматных досках борются люди, а не фигуры — вот исходная мысль Ласкера. А раз так, то значит на передний план выдвигаются не теоретические варианты и закономерности игры (их, конечно,

нужно хорошо усвоить и использовать), а человек с его вкусами, наклонностями, темпераментом.

В глубоком изучении особенностей игры и характера противника, в умелом использовании его слабых сторон и заключалась сила и превосходство Ласкера над современниками. Когда он играл матч на первенство мира с Шлехтером, то создавал положения, требовавшие больших волевых усилий, которых явно не было у миролюбивого противника, а когда боролся с Яновским, то умело и тонко направлял течение партии в русло спокойной игры, где темпераментный противник чувствовал себя менее уверенно и, продолжая рваться в бой, допускал ошибки, проигрывал партии.

Современники Ласкера в бытность его чемпионом мира (1894—1921) не всегда отдавали себе ясный отчет в его «психологических приемах», хотя и осознавали, что его сила в особой манере игры с разными противниками.

Одним из тех, кто проник в творческую лабораторию Ласкера, понял его метод и применил на практике, был чемпион мира А. Алехин. Советские мастера учились у Ласкера и Алехина психологическому подходу к шахматной партии, но пошли в этом значительно дальше.

Советские шахматисты сделали психологический метод одной из составных частей всесторон-

ней подготовки к состязаниям. Они не только довели до большой степени совершенства систему изучения особенностей игры противника и умелого использования ее недостатков, но и пошли значительно дальше своих предшественников. Если обнаружен недостаток в собственном творчестве, спортивном режиме или в какой-нибудь другой области деятельности шахматиста, нужно работать настойчиво и упорно до его полного исчезновения.

Пример самокритичности, умения ликвидировать недостатки не раз показывал М. Ботвинник. Это помогало гроссмейстеру собираться с новыми силами для борьбы после каждой спортивной неудачи. Вспомним, что после неудачного выступления в Гастингсе последовали первые призы на международных турнирах в Москве и Ноттингеме, а за срывом в XII первенстве СССР — убедительная победа в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона страны. Так произошло и в двух матч-реваншах на первенство мира со Смысловым и Талем. В каждом из этих состязаний Ботвинник умело преодолевал недостатки, которые были причиной поражения в предыдущем соревновании, и стремился найти уязвимые стороны в творчестве своих соперников.

В руках советских мастеров и гроссмейстеров психологическое оружие является одним из

средств обогащения шахматного творчества, создания прекрасных произведений шахматной мысли.

Элексир молодости

«Менс сана ин корпор сано» — «В здоровом теле здоровый дух». Эта старинная латинская поговорка как нельзя лучше подходит к шахматам. Хорошее самочувствие рождает бодрое настроение, а при таком настроении и играется лучше: легко обдумываются планы, приходят в голову оригинальные идеи, придумываются красивые комбинации.

Для серьезной игры в соревнованиях нужно иметь крепкие нервы и крепкое здоровье. Ведь партия длится 4—5 часов подряд, шахматист занят в это время напряженной умственной работой. Добавим к этому, что до контроля времени партии часто не заканчиваются. Предстоит напряженный анализ и доигрывание, требующие дополнительной нервной и физической нагрузки.

На XIII олимпиаде, например, партия Смыслов — Филип откладывалась несколько раз и закончилась лишь на 109-м ходу, когда Смыслову удалось, наконец, сломить изобретательную защиту чехословацкого шахматиста и объявить противнику мат.

Известны еще более долгие поединки, среди

них партия Вольф — Дурас, игранная в 1907 году на международном турнире в Карлсбаде. Она откладывалась пять раз и продолжалась в общей сложности $21\frac{1}{2}$ часа.

Но если такие случаи и редки, то состязания, длящиеся по месяцу, во время которых предстоит скрестить оружие с 18—20 противниками, встречаются сплошь да рядом. Около двух месяцев продолжаются ныне состязания на первенство мира, а матч за мировое первенство между Капабланкой и Алехиным в 1927 году длился почти $2\frac{1}{2}$ месяца. За это время между ними было сыграно 34 партии.

Можно ли успешно провести такие состязания, не обладая достаточной физической выносливостью? Конечно, нет. Вот почему в системе подготовки и совершенствования шахматистов высшей квалификации в нашей стране важное место занимают занятия физической культурой и спортом. Большинство советских мастеров и гроссмейстеров регулярно занимается разными видами спорта. Ботвинник, Смыслов и Бронштейн увлекаются лыжами, Керес играет в теннис, Геллер имеет спортивный разряд по баскетболу, Таль, Корчной, Тайманов охотно проводят свободное время за настольным теннисом.

На хорошую физическую подготовку советских шахматистов нередко обращает внимание даже зарубежная печать. Во время XIII олим-

риады (Мюнхен, 1958 г.), по мнению спортивного обозревателя американского журнала «Спортс иллюстрэйтед», пожалуй, единственной командой, физическая и нервная подготовка которой оказалась на должной высоте, была советская. «За века своего существования, — писал журнал, — шахматы ругали и хвалили по самым разнообразным поводам, но еще никто серьезно не утверждал, что шахматы — эта древняя сидячая игра — делают человека сильным и здоровым. А сейчас это доказали русские!».

В постоянных занятиях физкультурой, спортом — одна из причин спортивного долголетия. Раньше шахматисты почти не обращали внимания на специальную тренировку, и потому их спортивные и творческие результаты уже после 40 лет заметно снижались. Это видно на примере ряда ведущих мастеров конца прошлого и начала нынешнего столетия.

Подробный анализ влияния возраста на успехи шахматистов можно найти, например, в книге известного советского экономиста академика С. Г. Струмилина «Проблемы экономики труда». Здесь, в разделе, посвященном умственному труду, под таким углом зрения рассмотрены результаты 43 матчей (1863—1911 гг.) и 34 международных турниров (1890—1914 гг.) с участием первоклассных мастеров. При этом шахматисты подразделяются на несколько групп по

возрасту, подсчитано число иггранных ими партий, затем выигранных, процент выигрыша. В книге приводятся две таблицы — «Возраст и успешность игры шахматистов», в одной из которых исключены ничьи, а в другой они учитывались. В первом случае сравнению подверглись результаты 7 тысяч партий, во втором — около 1,5 тысячи. Возраст наибольших успехов оказался для шахматистов равным 32—33 годам, но особенно сильно падали спортивные результаты после 60 лет. Правда, на основании этих данных в книге сделан несколько прямолинейный вывод о падении умственных сил шахматистов после 32—33 лет и о «катастрофическом падении умственной энергии» у шахматистов старше 60 лет.

Едва ли, однако, можно ставить знак равенства между спортивными результатами и умственными силами шахматистов. Практика показывает, что можно в пожилом возрасте сохранить ясную голову, прекрасно понимая все тонкости, комбинируя и анализируя позицию, но не сохранить физические силы, и спортивные успехи начнут падать. Это легко увидеть на примере Стейница, Ласкера, Блекберна и других. Отдельные партии проведены ими и в возрасте 50—60 лет и старше превосходно. Но чтобы провести так все состязание, для этого у них не хватало физических сил.

Проблему «шахматы и возраст», по-видимому, имеет больше смысла рассмотреть под другим углом зрения. Почему этой игрой могут с одинаковым удовольствием заниматься дети и юноши, люди среднего и пожилого возраста? Ведь духовные запросы у них различны, умственные силы и способности также неодинаковы. Чего ищут и что находят люди разных возрастов в шахматах? Каковы их эмоциональные переживания?

Если в пожилом возрасте игра является преимущественно средством отдыха, у лиц среднего возраста — предметом культурного досуга, то у детей это целый мир переживаний и ощущений.

Школьник выиграл партию. В глазах его искрится радость, у него все спорится, он хочет лучше учиться в школе, показать, что он может совершить хорошее и в другом деле... А сколько боли приносит поражение! На глаза навертываются слезы обиды. На следующий день он будет играть с еще большим упорством. На следующий год он станет сильнее. А затем — затем начинает играть в турнирах на первенство школы, района, получит квалификационный билет. Надолго у него сохранятся впечатления от встречи с гроссмейстерами в сеансах, посещения чемпионатов страны и международных соревнований.

Мне на всю жизнь запомнилось участие в

сеансе одновременной игры Э. Ласкера против школьников-пионеров в 1935 году. Помню, как оделся по-праздничному, сильно волновался, что предстоит встретиться с прославленным шахматистом. В торжественной обстановке начался сеанс. Ласкер с сигарой во рту, не спеша, обходит доски. Школьники играют смело, уверенно. Моя партия долго протекала с примерно равными шансами и дошла до эндшпиля, пока я не остался один на один с экс-чемпионом мира. Рядом его жена, вокруг столпились корреспонденты, участники. Ласкер сделал ход. Вскоре последовал ответ. И так продолжалось ходов 10—12. Неравная борьба закончилась в пользу сеансера. Но помнится, как Ласкер во время этой «пикировки» несколько раз качал головой, не ожидая встретить такое упорное сопротивление от пионера. А после окончания партии дважды повторил «зер гут» и протянул мне руку. Сколько радости и счастья я тогда испытал: сам Ласкер пожал мне руку и похвалил мою игру!

Более устойчивый интерес и влечение к шахматам определяется обычно в юношеском возрасте. Спортивные успехи в старшем школьном возрасте позволяют уже определенно говорить о возможностях шахматиста, сознательно решить вопрос о том, какое место в его жизни должны занять шахматы.

Кстати, нередки случаи, когда увлечение

шахматами начинается только в юношеском возрасте. То ли под влиянием товарищей, то ли в стремлении овладеть наиболее замечательными достижениями культуры, подросток или юноша посвящает немало времени овладению тайнами шахматного искусства. В юные годы научились играть Н. Чернышевский и Л. Толстой. И даже у некоторых выдающихся шахматистов серьезный интерес к шахматам проявился лишь в юношеские годы. Среди них М. Чигорин и А. Рубинштейн, которые стали достойными претендентами в борьбе за звание чемпиона мира.

Если правильно организовать занятия шахматами, то они не только не мешают учебе или работе, а, наоборот, могут оказаться неплохой школой серьезной исследовательской работы. Об этом, в частности, говорит опыт работы шахматной школы Московского государственного университета, которой несколько лет руководил П. А. Романовский. Здесь студенты, получая знания в области шахмат, учились самостоятельно вести и теоретические исследования.

Научившись играть в шахматы в детстве или в юные годы, люди сохраняют к ним любовь на всю жизнь.

«Не могу представить себе эту жизнь без шахмат...» — писал Л. Толстой брату жены в 1864 году. Ему было тогда 36 лет. Он работал над созданием романа «Война и мир». В этот за-

мечательный период жизни и деятельности великого русского писателя шахматы были одним из главных занятий в часы досуга. Можно ли после этого удивляться, что все его дети — и сыновья, и дочери — умели играть в шахматы, а первенец Сергей, которому Толстой уделял особенно много внимания, уже в детстве играл сильно, а в юные годы успешно занимался теорией и решением задач, играл в турнирах по переписке?

Очень любил шахматы отец Ленина Илья Николаевич Ульянов. В Нижнем Новгороде и Симбирске он часто вечерами встречался за доской с сильнейшими шахматистами этих городов. Естественно, что он и детей своих приохотил к этой игре. Все его сыновья — Александр, Владимир и Дмитрий — пережили пору сильного увлечения шахматами.

Такой культ шахмат в семье можно еще чаще наблюдать в наше время, когда увлечение игрой приняло массовый характер.

Удивительно, как даже на взрослых влияет шахматная игра! Она приносит им утешение в горе и несчастье, облегчает страдания, отвлекает от невзгод. Герой-революционер Манолис Глезос, сидя в тюрьме на греческом острове Корфу, много времени и кропотливого труда потратил на то, чтобы сделать шахматы. И теперь это чудесное произведение искусства можно увидеть у учеников 706-й московской школы.

Особенно сильное стимулирующее воздействие оказывает игра на людей пожилого возраста. Для них эта игра — чудодейственный эликсир молодости. Она возбуждает чувства, заставляет переживать минуты волнения и радости. Недавно мне довелось наблюдать игру 80-летнего шахматиста Н. П. Целикова.

В 20-е годы это был известный московский шахматист. Он возглавлял Московское шахматное общество и имел счастье подписать членский билет № 1 Владимиру Ильичу Ленину, избранному почетным председателем этого Общества на 1922—1923 годы. Через некоторое время Целиков перестал играть в шахматы, всецело посвятив себя педагогической деятельности. Вернулся к шахматам лишь в 65 лет. И сейчас он с большим увлечением играет в турнирах Центрального шахматного клуба, изучает теорию, анализирует отложенные партии. Николай Петрович нашел в шахматах источник, наполняющий жизнь содержанием, дающий ему ощущение радости, вдохновения...

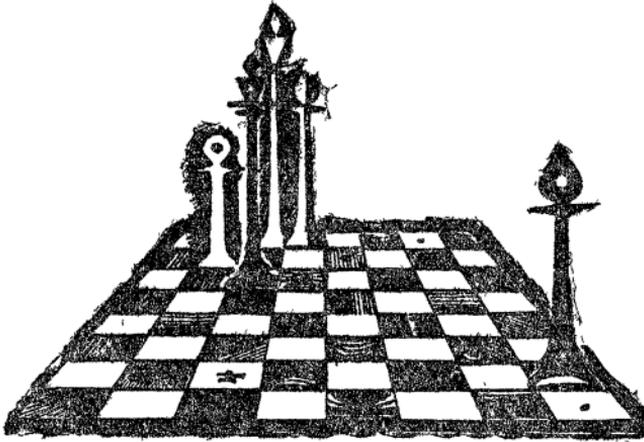
Откуда такие эмоции, откуда такая гамма чувств и переживаний у шахматиста?

Еще автор «Дон Кихота» Сервантес заметил, что шахматы напоминают жизнь. И действительно, каждая партия это в миниатюре жизнь человека. Тут и надежды, и напряженные поиски путей к цели, и борьба за нее. И сколько раз,

когда, казалось бы, счастье уже близко, вдруг из-за неожиданного промаха все рушилось и невозможно было избежать мата — «смерти»... Всего за несколько часов игры шахматист переживает от начала до конца полную самых острых коллизий и столкновений, страстей и борений жизненную драму. И в этой драме он не зритель, а ее непосредственный участник, познающий всю радость торжества победы или пьющий до дна горькую чашу поражения.

Так, с детских лет и до глубокой старости человек находит в шахматах источник для проявления разнообразных чувств и желаний, стимул к развитию умственных способностей и характера.

ЭСТЕТИКА ШАХМАТ

Красота комбинации

Что больше всего привлекает шахматиста в содержании партии?

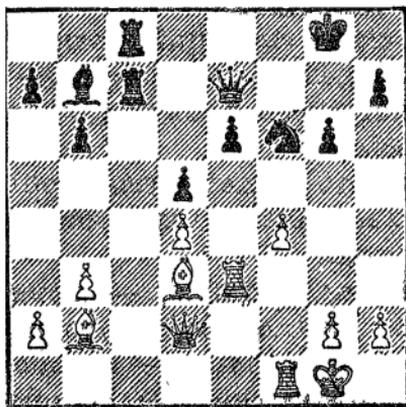
Пожалуй, мы не ошибемся, если ответим: комбинация¹. Это она вызывает восхищение и заставляет рукоплескать тысячи зрителей, присутствующих на первенстве страны или международном шахматном турнире. Это она достав-

¹ Комбинация — это форсированный вариант, часто сопровождающийся жертвами.

ляет любителям шахмат эстетическое наслаждение, когда они просматривают партии, уже давно игранные, творения корифеев шахматного искусства. Это она приносит наибольшее удовлетворение шахматисту, когда ему удастся одержать победу или в трудной позиции добиться ничьей.

В чем суть комбинации, причина ее волшебного очарования?

Приведем конкретный пример. В партии, игранный три четверти века назад между двумя известными шахматистами — немецким мастером И. Цукертортом и английским мастером Д. Блекберном, вслед за 22-м ходом черных белые задумали и осуществили далеко рассчитанную жертву ферзя.

Цукерторт— Блекберн, 1883 г.

Окончание партии

23. f5! Ke4 24. С: e4 de
25. fg Лс2 26. gh+ Kph8
27. d5+ e5 28. Фb4!!
Л8с5 29. Лf8+ ! Кр:h7
30. Ф:e4+ Кpg7 31. С:e5+
Кр:f8 32. Сg7+!!

Черные сдались.

Окончание этой партии производит на нас неизгладимое впечатление. Посмотрим на позицию, когда была задумана комбинация. Положение белых предпочтительнее: у них более активно расположены фигуры, да к тому же позиция черного короля создает мотивы для атаки.

Но пока что все еще прочно и ничто не предвещает быстрого разгрома. Мало того. Первые ходы комбинации приводят как будто даже к проигранной позиции. И вот тут-то, как гром среди ясного неба, следует жертва самой ценной фигуры — ферзя. Взять его равносильно самоубийству — последует мат в несколько ходов. Черные напрягают все силы для защиты. Но опять следуют внезапные жертвы ладьи и слона, приводящие в конце концов к решающему материальному перевесу и победе.

В этой неожиданной смене ситуаций и заключена эмоциональная сила действия комбинации, а ход, который объясняет весь замысел, представляется очень красивым.

Стоит научиться играть в шахматы, чтобы познать красоту этого замечательного произведения шахматного искусства!

«Под красотой, — писал Горький, — понимается такое сочетание различных материалов, — а также звуков, красок, слов, — которое придает созданному — сработанному человеком — мастером форму, действующую на чувство и ра-

зум как сила, возбуждающая в людях удивление, гордость и радость перед их способностью к творчеству».

Так и в шахматном искусстве: сочетание ходов и маневров, ведущее к созданию партии-шедевра, вызывает у нас чувство удивления и восхищения творческим гением шахматиста, его способностью к нахождению комбинаций.

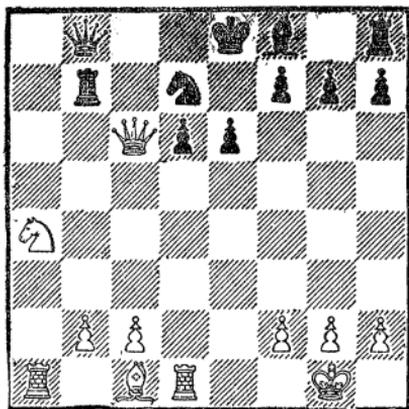
Чем менее очевиднее замысел и неожиданнее жертва, чем дальше простиралось предвидение шахматиста, тем большее художественное впечатление производит на нас комбинация.

Какие элементы комбинации больше всего восхищают шахматиста или, точнее говоря, являются критерием красоты?

Художественное впечатление комбинация производит прежде всего благодаря жертве.

Редко в зале спокойно воспринимается даже жертва пешки. А жертва легкой фигуры или ладьи, а тем более ферзя вызывает обычно сильное волнение, а то и взрыв аплодисментов. Обычно жертва предусматривается шахматистом за несколько ходов до ее осуществления, но ею начинается форсированный вариант — комбинация.

В жизни жертва чем бы то ни было дорогим во имя высокой цели всегда воспринимается как образец прекрасного. В шахматах — во имя победы или достижения решающего перевеса — жертвуются фигуры и пешки.

**Смыслов —
Коттнаэр, 1946 г.**

Окончание партии

18. Кс5!! (жертвой коня белые открывают все линии для атаки и начинают красивую комбинацию) dc 19. Cf4! Cd6 20. C:d6 Лb6 21. Ф : d7+! Черные сдались.

Жертва нарушает материальное и позиционное равновесие в партии. Сторона, проводящая комбинацию, лишается материальной силы, и вначале может даже показаться, что положение складывается не в пользу инициатора комбинации. Такая неожиданная жертва особенно красива. Однако вызванные ею изменения в позиции — в координации фигур — оказываются в конце концов в пользу жертвующей стороны.

Иногда для получения перевеса недостаточно жертвы одной фигуры, и за нею следуют новые жертвы, пока не будет осуществлена главная идея комбинации и появится возможность всеми оставшимися силами приступить к решающей атаке.

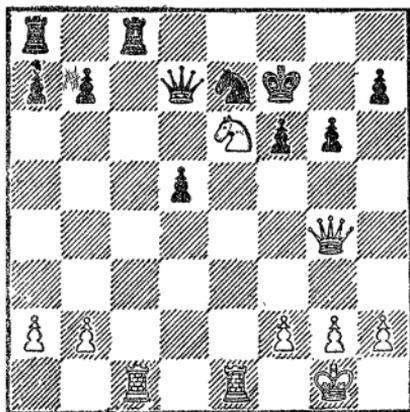
Почему те или иные жертвы в шахматной партии представляются нам очень красивыми?

Благодаря их внезапности, далекого расчета вариантов, оригинальности идеи. Последнее особенно важно. Единственность, неповторимость комбинации производит всегда сильное впечатление. В одной из партий Стейница с Барделебеном чемпион мира четыре раза предлагал жертву ладьи на предпоследней горизонтали — такие маневры и сам характер пожертвования ни разу не встречались в мировой шахматной практике. Ясно, что мы всегда будем с наслаждением любоваться таким оригинальным произведением шахматного искусства.

В партиях каждого мастера и гроссмейстера можно найти красивые комбинации с жертвованиями. Но есть шахматисты, все творчество которых овеяно романтикой жертвенных комбинаций. Такими мастерами были знаменитые итальянские шахматисты конца XVIII столетия — моденцы Рио, Лолли и Понциани, автор трактата «Ни с чем не сравнимая игра в шахматы». В середине прошлого столетия громкой известностью пользовался «король комбинаций» немецкий шахматист А. Андерсен.

Любителям шахмат хорошо известны партии Андерсена с Кизерицким и Дюфренем, иггранные более 100 лет назад. Что больше всего привлекает в них? Необычайно смелая атака. Первая

Стейниц — Барделебен, 1895 г.

Окончание партии

21. Kg5+! Крe8 22. Л:e7+! Крf8! 23. Лf7+ Крg8 24. Лg7+ Крh8 25. Л:h7+! Черные сдались, так как получали мат через 10 ходов: 25... Крg8 26. Лg7+! Крh8 27. Фh4+ Кр:g7 28. Фh7+ Крf8 29. Фh8+ Крe7 30. Фg7+ Крe8 31. Фg8+ Крe7 32. Фf7+ Крд8 33. Фf8+ Фе8 34. Кf7+ Крд7 35. Фd6x.

из них — недосягаемый образец по количеству пожертвованных фигур. В ходе атаки белые пожертвовали слона, затем две ладьи и, наконец, ферзя. К тому же блестящая игра белых завершилась редкой по красоте заключительной позицией: три легкие фигуры объявили мат королю при всех фигурах черных.

Позднее много красивых жертв можно было встретить в партиях таких романтиков шахматного искусства, как английский мастер Д. Блекберн и австрийский гроссмейстер Р. Шпильман, который даже написал специальную книгу «Теория жертвы». В нашей стране еще в середине прошлого века обратил на себя внимание жертв-

венный стиль мастера И. Шумова. В конце XIX века шахматистом яркого комбинационного стиля был М. Чигорин.

Непревзойденным мастером комбинационных атак справедливо считался чемпион мира А. Алехин. Накануне его матча на первенство мира с Капабланкой Ласкер так характеризовал игру гениального русского шахматиста:

— Алехин вырос из комбинации, он влюблен в нее. Все стратегическое для него только подготовка, почти что необходимое зло... Его фантазия воспламеняется при атаке на короля. Стратегия является для него скорее арифметической задачей, нежели творческим материалом.

Для алехинского творчества характерны жертвенные комбинации, подготовленные тонкой позиционной игрой. Серией маневров он вызывал в неприятельском лагере слабости и затем обрушивал на противника комбинационные удары.

И в наше время для стиля игры некоторых мастеров жертвы являются одним из характерных признаков их комбинационного почерка. Прославился мастерством комбинационных атак с жертвами молодой экс-чемпион мира М. Таль. Этим его игра привлекает сейчас симпатии многих любителей шахмат.

В отличие от Алехина, который в ходе шахматной борьбы искусно подготовлял атаку, Таль создает условия для комбинационных осложне-

ний и атак чаще всего путем жертвы. Вот почему первые его жертвы в партии не поддаются обычно расчету и носят не форсированный, а скорее интуитивный характер и до предела обостряют борьбу.

Почти каждый мастер своим творчеством вносит новое в сокровищницу шахматного искусства, обогащая «кладовую» комбинаций. Эстетическое восприятие этих комбинаций во многом зависит от оригинальности идеи. Большую роль играет также количество и ценность пожертвованного материала. Естественно, что жертва ферзя — самой сильной шахматной фигуры — производит особенно большое впечатление. Но в шахматной игре имеется и много других жертв: пешки, качества (ладьи за коня или слона), легкой фигуры, ладьи или нескольких фигур.

Красота в шахматах определяется не только количеством пожертвованного материала. Жертва легкой фигуры может быть более красивой, чем жертва ферзя, если первая сделана с расчетом на 10 ходов вперед, а вторая — на 2—3 хода. Внезапная жертва намного красивее очевидной, легко находимой и т. п.

Фантазии нет предела

В старину комбинация с жертвой была почти единственным критерием красоты в шахматах.

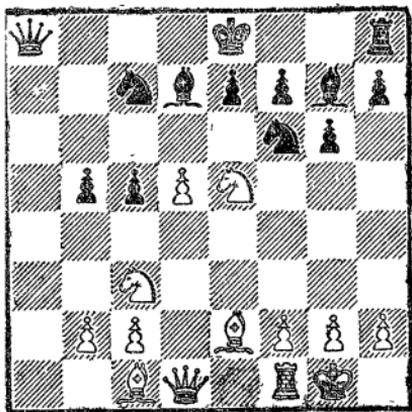
Сейчас эстетическое восприятие шахматного творчества значительно углубилось. Теперь уже интересна и подвергается эстетической оценке не только комбинация сама по себе, но и пути, которыми шахматист подходит к ее созданию и осуществлению.

Нельзя не согласиться с мнением М. Ботвинника о том, что строгость, законченность и сила логических построений также вызывают ощущение красоты шахмат. Кстати, примером последовательности и логичности шахматной мысли может служить его победа над немецким гроссмейстером Л. Шмидом в 1960 году. В этой партии не было осуществлено ни одной жертвы фигуры. Комбинационные возможности остались лишь в вариантах. Но зато как красива в ней игра белых! И глубина самого замысла в дебюте, и неожиданный удар в центре, и столь же внезапный пешечный прорыв. Необычна позиция после 16-го хода. Уже в столь «ранний час» пешка белых продвинулась на предпоследнюю горизонталь, и противник вынужден был блокировать ее ферзем. Динамичная импульсивная игра облачена здесь в стройную, содержательную нить шахматной партии.

Сильное эстетическое впечатление производят и такие партии, в которых одна из сторон благодаря продуманной стратегии приводит неприятеля к положению цугцванга (то есть играю-

Ботвинник— Шмид, 1960 г.

Окончание партии

14. ...b4 15. d6! bc (на взятие пешки d6 белые задумали комбинацию: 16. Ф: d6 bc 17. Cf3 Фа6 18. Сс6! С: с6 19. К: с6 с угрозой мата) 16. dc Фс8 17. Cf4! cb 18. К: d7! К: d7 19. Сb5! Cd4 20. с3 e5 21. cd ef 22. С: d7+ Ф: d7 23. Фе2+Kpf8 24. Фе5 Kpg8 25. Лb1! f6 26. Ф:e5 Kpg7 27. Л: b2 Ле8 28. Лb1 f3 29. gf Фh3 30. Фс6! Черные сдались.

ший не может тронуть с места ни одной фигуры без того, чтобы не ухудшить позицию или даже понести материальный урон). В таком случае ему приходится сдаваться почти при всех фигурах, когда до мата очень и очень далеко...

Еще чаще партия оказывается выигранной благодаря тонким маневрам. В этих случаях комбинации могут и не осуществляться, а лишь возникать как угроза. Но благодаря такой угрозе маневр приводит к лучшей позиции, обеспечивающей конечную победу. Немало таких примеров можно найти в творчестве Чигорина. Так, в партии с Марко (международный турнир в Вене 1903 г.) Чигорин нашел интересный ма-

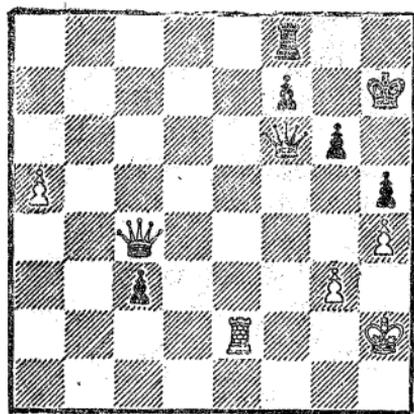
невр ферзем, который форсировал перевод партии в выигрышное окончание.

Много обаяния заключено и в жертвах в процессе защиты. Примером такой обороны может служить партия Филип — Корчной (Бухарестский международный турнир 1954 года). Черные в ней, оказавшись в тяжелом положении, смело пожертвовали ферзя за две фигуры и две пешки и таким образом создали шансы в совершенно безнадежной на первый взгляд позиции. На этом примере легко убедиться, что остроумная защита может произвести столь же большое эстетическое впечатление, как и стремительная комбинационная атака. Здесь элемент неожиданности играет в эстетическом воздействии, пожалуй, еще большую роль, чем во время нападения. Ибо при атаке мы всегда полны ожидания этих внезапных комбинационных ударов, в то время как в безнадежной позиции бывает так много минусов, что кажется нет никаких перспектив и весь вопрос состоит лишь в том, как долго продержится обороняющаяся сторона. Поэтому-то контрудар бывает столь неожидан и красив.

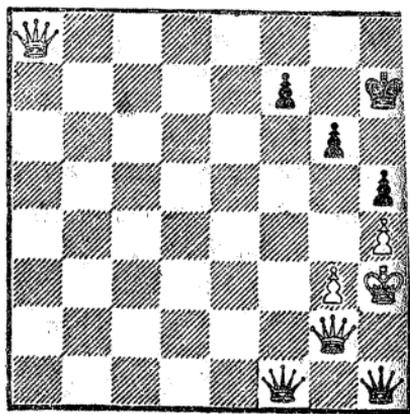
В шахматной борьбе возникают иногда такие соотношения материальных сил, которые благодаря своей необычности кажутся очень красивыми. Например, одна из сторон провела пешку к последней горизонтали и превращает ее в чернопольного слона, в то время как у нее еще

Капабланка — Алехин, 1927 г.

Окончание партии матча на первенство мира

60Лd8! 61. a6 Фf1!
62. Фе4 Лd2 63. Л:d2 cd
64. a7 d1Ф 65. a8Ф Фg1+
66. Кph3 Фdf1+! 67. Фg2
Фh1x.

*заклучительная позиция
редкой красоты!*

сохранились остальные два слона. Таким образом в партии оказались два чернополюсных слона, что никогда в игре не встречается. Эта фантастичность количества фигур, возникшая в ходе шахматной борьбы, составляет также один из элементов красоты.

Известны случаи, когда оба партнера проводили пешки к крайней горизонтали и на доске

возникла борьба с участием четырех ферзей. Так было в заключительной позиции 11-й партии матча на первенство мира между Капабланкой и Алехиным в 1927 году. В окончании партии Фишер — Петросян (турнир претендентов 1959 года) на доске также одно время находились четыре ферзя. В одном из вариантов на доске здесь мог быть поставлен даже пятый ферзь! Такое соотношение, возникшее в ходе борьбы, конечно оригинально и к тому же усиливает напряженность схватки.

Эстетическое впечатление производит и момент игры, когда менее значимые по своей материальной ценности фигуры и даже пешки оказываются в динамике борьбы гораздо сильнее, чем ферзь и другие более «сильные» фигуры. Вспомним заключительную позицию 16-й партии IV матча Мак-Доннеля с Лябурдоне (1834 г.), в которой ферзь и ладья белых оказались бессильны против трех черных пешек, дошедших до второй горизонтали. Трудно даже поверить, что такое сочетание борющихся сил получилось в практической борьбе.

Интересно восприятие шахматистом позиций «спертого» мата. Обычно атака на неприятельского короля сопровождается обнажением его позиции, открытием линий для создания непосредственных угроз. Но иногда бывает выгодно, наоборот, поставить короля противника в окру-

жение его же фигур. При таком положении мат королю может дать только конь ← единственная в шахматах фигура, которая перескакивает поля с фигурами и соответственно создает угрозы. Объявлению «спертого» мата часто предшествует красивая жертва ферзя (с целью окружить короля противника плотным кольцом его же фигур). Чем сложнее игра при достижении «спертого» мата, тем сильнее художественное впечатление от такого произведения.

Нет предела комбинациям, идеям, положениям в игре, которые доставляют эстетические удовольствия шахматисту! Это могут быть и неожиданные двойные нападения коня и окончания, в которых слабейшая сторона вынуждает «пат» или «вечный шах», и тонкие маневры ладьей, позволяющие добиться ничьей даже в том случае, когда у противника на несколько пешек больше, и многие, многие другие редкие случаи ничьей или красивых побед.

В настоящее время к оценке красивого в шахматах подходят глубже. Шахматы начинают трактовать как искусство.

Эстетический элемент в шахматах присутствует давно, однако осознание игры, как искусства, относится к сравнительно недавнему времени, а термин этот вошел в нашу жизнь лишь в последние годы. Это свидетельствует о серьезном отношении нашего народа к шахматам, о вы-

сокой оценке художественной стороны шахматного творчества. Это, наконец, выражает собой торжество передовых традиций отечественной шахматной культуры.

Уже для первых русских мастеров было характерно отношение к шахматам как к искусству. Наиболее последовательно такое отношение было выражено М. Чигориним, А. Алехиным. Напомним высказывания Алехина: «Для меня шахматы не игра, а искусство», «Цель я вижу в научных и художественных достижениях, которые ставят шахматную игру в ряд других искусств». На таких же позициях стоят ведущие советские мастера и гроссмейстеры.

Когда человек играет в шахматы, он не только мыслит, но и необычайно эмоционально воспринимает перипетии борьбы: ощущает радость или огорчение, наслаждается красивым ходом или комбинацией, торжествует победу или страдает от поражения. Можно сказать, что шахматы отражают мир человека в большом многообразии его чувственных переживаний и своеобразного восприятия действительности.

Играя, шахматист забывает об условном характере доски и фигур и создает в своем воображении новый, чувственный мир, полный необычайной фантазии и художественной красоты. В оценке красивых ходов и комбинаций находит выражение человеческое чувство прекрасного.

Красота в шахматной партии вызывает такое же восхищение и наслаждение, как и в любом другом виде искусства.

Искусство в искусстве

Каждая ли шахматная партия является произведением искусства? Нет, не каждая. Впрочем, как и в других видах искусства. Ведь если кто-либо попытается набросать рисунок, не имея к тому навыков и способностей, то кроме смеха, в лучшем случае, равнодушия этот набросок не вызовет каких-либо других эмоций. Зато настоящее художественное полотно надолго приковывает к себе внимание, рождает чувства и раздумья, удивляет мастерством исполнения.

Так и в шахматах. Партия, сыгранная слабыми шахматистами, а иногда и мастерами без вдохновения и красивых замыслов не трогает души любителя шахмат. Зато как много имеется партий, переигрывая которые мы испытываем эстетическое удовольствие! Сколько интересных мыслей и чувств рождают они у шахматистов, несмотря на то, что спортивный интерес они уже давно потеряли! И это только потому, что они сохраняют все обаяние художественной мысли человека, что они раскрывают перед шахматистами богатый мир идей и переживаний. Шедевры шахматного искусства, созданные Лябурдоне

и Мак-Доннелем, Петровым и Морфи, Андерсеном и Стейницем, Чигориным и Алехиным, Капабланкой и Ласкером, Рубинштейном и Рети, Мароци и Нимцовичем и многими другими будут и через тысячу лет волновать любителей шахмат, доставлять им подлинную радость и эстетическое наслаждение.

Выигрывает тот, у кого мысль работает более логично, фантазия богаче, воля к победе сильнее. Но при сильном сопротивлении мы нередко лишаемся удовольствия видеть интересные, красивые комбинации, жертвы. Как только противник разгадает замысел соперника (а чем он сильнее играет, тем чаще он это делает), то принимает все меры к тому, чтобы предупредить комбинации, не дать им возможности осуществиться. Сколько таких незримых комбинаций бывает в партиях мастеров! Недаром Алехин — этот гений комбинации — иногда с сожалением восклицал, что он хотел бы творить один! Тогда бы его фантазия поистине не знала предела, он, как маг и чародей, мог бы придумывать комбинации одна удивительнее другой, поражающие своей красотой и грандиозностью замысла. Но тогда, увы, уже не было бы шахматной борьбы, соревнования, партии.

Тогда перед нами предстал бы новый вид искусства — шахматная композиция. Ее называют иногда поэзией шахмат. И это справедли-

во. В шахматном произведении, именуемом задачей или этюдом, очень много фантазии, красоты.

Искусство, как известно, призвано отображать жизнь в художественных образах. Такую же цель ставит перед собой в области шахмат композиция. Об этой близости задачи к игре хорошо сказал известный русский шахматный композитор А. Галицкий:

— Отношение задачи к игре такое же, как изящного искусства — музыки, живописи и пр. — к природе или действительной жизни. Для задачи, как произведения искусства, эту природу, эту действительную жизнь представляет шахматная партия. Как природа — мир красок и звуков — дает элементы, материал для произведения живописи и музыки, так из игры шахматной мы берем элементы для задачи, материал для ее построения.

Итак, для композиции игра, партия — это сама жизнь. А цель композиции — отражать эту игру, ее замыслы в художественном виде. Но шахматная партия сама в специфической художественной форме отражает мир чувств и идей человека. Поэтому-то и можно сказать, что создание композиции это по существу рождение искусства в искусстве.

Что же общего и в чем различие между практической игрой и композицией?

В задаче отсутствуют характерные для шах-

матной игры элементы спортивной борьбы. Мало того, в отличие от партии, где в начале игры силы сторон равны, в композиции соответствующей расстановкой фигур исход сражения уже предрешен. Иными словами, задача представляет собой искусственную позицию. В ней начинающая сторона дает противнику мат в определенное количество ходов. Если в партии комбинации являются результатом длительной борьбы и реже становятся возможными благодаря прямой ошибке противника, то в задаче игра должна быть с обеих сторон безупречной, точной, цель достигается обычно единственным путем. А раз так, то естественно, что художественные принципы и требования к задаче совсем иные, чем к партии.

Когда шахматист разыгрывает комбинацию в партии, его восхищает идея, красота жертвы и матовой позиции. Но при этом его ничуть не смущают какие-то фигуры или пешки, которые не принимали участия в сражении. И это понятно: важно, чтобы комбинация логически вытекала из хода борьбы.

Совсем иное дело в задаче. Раз вы придумываете красивое окончание, красивый мат, то уж извольте не ставить на доску лишних фигур и пешек. Построение задачи должно быть предельно экономным, то есть в осуществлении комбинации принимают участие все фигуры. Это тре-

бование экономичности и является основным художественным принципом шахматной композиции.

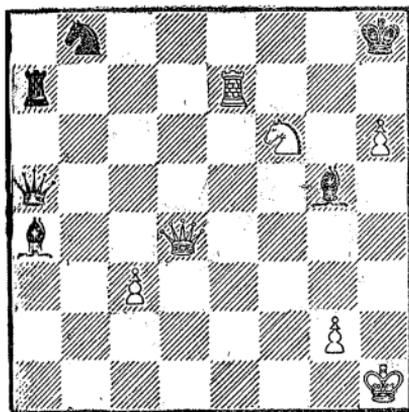
Важным принципом эстетики задачи являются также трудная находимость первого хода, единственность решения, красота построения и другие.

Главная цель композиции — в художественной форме показать всевозможные шахматные комбинации и идеи. Этим прежде всего и определяется полезность шахматной композиции, ее популярность среди шахматистов, которые с такой охотой и увлечением решают задачи и этюды. Занятия композицией воспитывают чувство прекрасного в шахматах, развивают «комбинационное зрение», аналитические способности, точность расчета, то есть все то, что очень нужно для практической игры.

Задачи содержат многие тактические идеи, которые встречаются в шахматной партии: отвлечение фигур противника от защиты, перекрытие линий, блокирование полей, связывание или развязывание фигур и многие другие. Композиторы стремятся представить эти идеи в законченной художественной форме.

Рассмотрим в качестве примера композицию и партию, в которой осуществлена одна и та же идея перекрытия линий действия черных фигур. В шахматной задаче А. Петрова эффектной

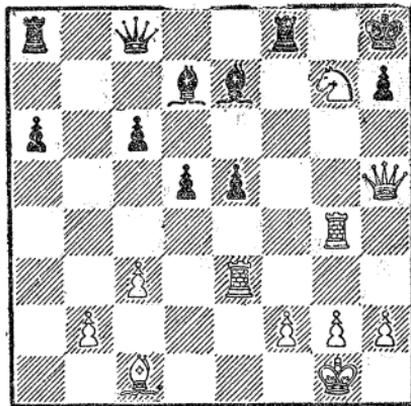
А. Петров, 1864 г.

Мат в 2 хода

1. Фd7! Л:d7 2. Ле8х;
- 2 ...С:d7, Лh7х; 1...С: f6.
2. Ле8х.

Алехин—Борохов, 1932 г.

Окончание партии

24. Кe6! и черные сдались, ибо на 24. С:e6 последует 25 Ф:h7+ Кр:h7 26. Лh3 + Ch4 27. Лh:h4х.

жертвой ферзя белые перекрывают противнику линии действия слона по диагонали и ладьи по седьмой горизонтали. После этого черным уже не избежать мата.

При иных обстоятельствах аналогичная идея перекрытия была осуществлена в одной из партий А. Алехина. Неожиданным «задачным» ходом коня Алехин перекрыл линию действия слона и форсировал мат.

Сравнение двух примеров свидетельствует о своеобразии эстетического впечатления от выполнения одной и той же идеи — перекрытия. Ход конем в партии красив своей внезапностью, но он смог появиться только благодаря предыдущему ходу пешки; при другом ходе белые иначе бы завершили атаку. В задаче той же художественной идее подчинена вся игра белых и черных фигур; к тому же жертва ферзя — наиболее значимой шахматной фигуры — производит особенно сильное впечатление.

Все это можно сказать, если взять обе позиции лишь в момент комбинации перекрытия. Если же учесть, что жертве коня в партии предшествовала длительная напряженная борьба, полная многих других интересных идей и что сама жертва явилась логическим следствием атаки на короля, то в целом эстетические переживания и эмоции у шахматиста, возникающие при этом ходе, могут быть гораздо более сильными, чем при решении задачи.

Но сама по себе шахматная идея может быть выражена в композиции глубже и красивее, чем в партии. Особенно это относится к этюдам, где, как известно, идеи и темы обычно ближе к шахматной практике, чем в задачах. Об этом говорят сами названия этих тем и идей: превращение пешки, вечный шах, выигрыш фигуры путем запираания, привязывания, вилки, вскрытого шаха

или нападения, цугцванг, окончание игры вничью путём создания патовой позиции¹ и т. д.

В партии одна из этих комбинационных идей может существовать в вариантах, но по каким-либо причинам и не быть осуществлена. В этюде же на ней строится вся игра, и чем труднее найти путь к выигрышу или ничьей, тем выше художественные достоинства произведения. В окончании партии из восьмого тура XIX чемпионата СССР Е. Геллер, играя черными против М. Тайманова, на 41-м ходу ошибочно взял ладьей пешку. Испытывая недостаток времени на обдумывание ходов, белые молниеносно отступили ферзем и... проиграли, а между тем красивой жертвой ладьи и ферзя они могли достигнуть патового положения и партия закончилась бы вничью. Как показывает этот пример, идея пата может возникнуть в практической борьбе в самых неожиданных положениях. Нужно лишь уметь ее находить.

В какой-то мере этому помогает шахматная композиция. Известны этюды, в которых идея пата бывает выражена в необычайно художественной форме. Интересно разрешена она, например, в этюде советского композитора М. С.

¹ Положение, в котором ни одна фигура не имеет хода, а король к тому же не находится под шахом. При пате партия признается ничьей.

Либуркина. Искусными маневрами ладьи и наконец жертвой этой фигуры белые добиваются ничьей в тот момент, когда черные провели пешку в ферзя и, казалось бы, могли торжествовать победу...

Есть еще две области шахматного творчества, которые тоже представляют собой своего рода искусство в искусстве. Это так называемые «живые шахматы» и изобразительные задачи, которые интересны стремлением очень своеобразно приблизить шахматное искусство к жизни.

Шахматная игра своим происхождением обязана попытке изобразить на доске военное сражение. Позднее можно было наблюдать в этой игре другую метаморфозу — попытку представить шахматную партию в виде театрализованного «военного» представления. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в средние века. На площадях городов Италии, Испании, Франции устраивались пышные спектакли. Часть территории расчерчивалась в виде шахматной доски. Люди облачались в рыцарские доспехи, садились на коней и передвигались соответственно ходам, возвещавшимся герольдом. За торжественным шествием «живых» шахматных фигур, сопровождавшихся звуками фанфар, с интересом следили десятки тысяч зрителей.

Трогательную историю об одной из таких партий в «живые шахматы» повествует хроника

итальянского городка Маростики. Еще в XIV веке дож Венецианской республики запретил дуэль. В 1554 году этот запрет решили нарушить два сеньора: Ринальдо да Ангарано и Виери да Валланора, влюбившиеся в некую красавицу Лионору. Ее отец отговорил молодых поклонников от дуэли и предложил решить спор шахматной баталией. Кто победит — тому и жениться на его дочери. Об этом решении было торжественно объявлено населению города. А чтобы жители могли наблюдать за столь важной шахматной партией, решено было демонстрировать ее на центральной площади в виде «живых шахмат». С тех пор такая игра стала в этом городе традиционной.

В XIX веке представления «живых шахмат» были перенесены на подмостки театров, цирка и пользовались неизменным успехом.

Не меньший интерес вызывают они и в наше время.

Несколько тысяч зрителей следило за игрой в живые шахматы, проводившейся летом 1924 года на Дворцовой площади Ленинграда. Партию разыгрывали мастера П. Романовский и И. Рабинович. Роль шахматных фигур исполняли краснофлотцы и красноармейцы.

В один из июльских дней 1935 года аналогичная игра была проведена в Ленинграде с фигурами, переодетыми в героев Шекспира, а год

спустя в Москве на эстраде Колонного зала Дома союзов.

В последние годы шахматные представления устраивались иногда в Москве, Киеве, Вильнюсе и других городах. Свыше 70 тысяч зрителей наблюдали на зеленом поле Киевского стадиона партию-миниатюру Эд. Ласкер — Томас в художественном воспроизведении артистов Государственного театра оперы и балета имени Шевченко. Для театральных представлений «живых шахмат» теперь пишутся специальные сценарии, музыкальное оформление и т. д. Но во всех случаях в основе такой постановки остается шахматное творчество — «драматические события», совершающиеся в партии.

Есть еще один путь «восприятия жизни» сквозь призму шахмат. Это так называемые образительные задачи. Если в «живых шахматах» за основу берется партия, которая изображается в виде «сражения» живых фигур, то в композиции наоборот — автор стремится «запечатлеть» подлинное событие, которое символически изображается на доске с помощью шахматных фигур.

Комментируя ходы шахматной партии, мы нередко говорим: «стремительная атака», «упорная оборона», «кони вторглись в неприятельский лагерь», «стратегический замысел противника» и т. д. Случайны ли подобные «чисто» военные

термины в шахматной борьбе? Не случайны. Еще полтора тысячелетия назад в древней Индии, где в первоначальном виде появились шахматы, фигуры символизировали различные рода войск. Эта условность в какой-то мере сохранилась и до сегодняшнего дня.

Посмотрите на расставленные фигуры. На доске противостоят друг другу «неприятельские» войска: пехотинцы (пешки), офицеры (слоны), кавалерия (кони) и даже главнокомандующий (ферзь). Конечно, когда мы играем в шахматы, то обо всем этом забываем. Ведь совсем иные законы действуют в игре по сравнению с военной наукой.

Ну а если продолжить внешнюю аналогию с военными действиями и составить шахматную задачу, символизирующую в нашем воображении действительное сражение.. Произведет ли впечатление такая задача на любителя шахмат? Оказывается, произведет.

В начале прошлого столетия А. Петровым была составлена задача под названием «Бегство Наполеона из Москвы в Париж», посвященная разгрому французских интервентов в Отечественной войне 1812 года. На крайних полях центральной диагонали «изображены» Москва и Париж, белые кони представляют русскую кавалерию, черный король — Наполеона. Остроумными нападениями белые кони — конница Пла-

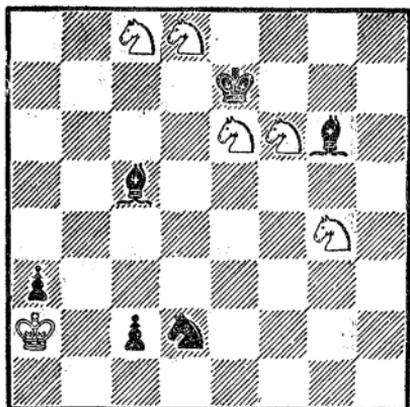
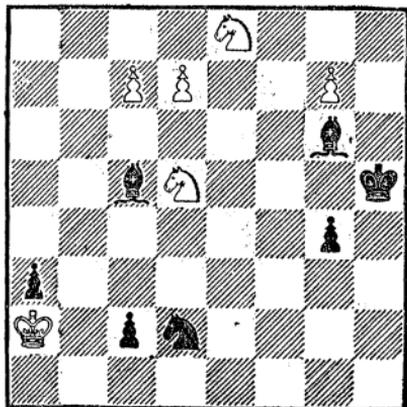
това — гонят императора в Париж, где ему на 14-м ходу объявляется мат.

Патриотическое произведение Петрова явилось образцом изобразительной шахматной задачи. Многие поколения русских и иностранных мастеров шахматной композиции учились у него искусству изображать военные маневры на шахматной доске. В 70-х годах XIX века мастер И. С. Шумов посвятил целую серию задач «освободительной борьбе славянских народов против турецкого владычества. Широкою известностью приобрели его задачи: «Взятие Карса», «Плевна», «Переход через Балканы», «Чужое добро в прок не идет». Свои композиции мастер часто сопровождал литературными комментариями. Они делали содержание и замысел задачи еще более понятными, придавали произведению определенную общественную значимость.

Оригинальные по идее и художественному исполнению шахматные задачи, в которых символически изображались победы Советской Армии, создали советские мастера. Одно из лучших произведений этого жанра, напечатанное в 1937 году, — этюд В. А. Королькова посвящен герою гражданской войны, бывшему командующему 1-й конной армией маршалу Советского Союза С. М. Буденному. Черные фигуры символизируют силы контрреволюции и интервентов, которые окружили смертельным кольцом молодую

В. Корольков, 1937 г.

Посвящается бывшему командующему 1-й конной армии С. М. Буденному

Белые выигрывают

Заключительная позиция

1. К f4+ Кр h6
2. g8K+!
- Крh7
3. Кgf6 + Крh6
4. К:g4 + Крh7
5. Ке f6 + Крg7
6. Ке6 + Кр f7
7. d8K+!
- Кре7
8. c8Kx!

Советскую республику. Черные угрожают быстрым матом. В ожесточенный бой с противником вступает легендарная красная конница и побеждает врага. Все три пешки, незаметно стоящие на седьмой горизонтали, превращаются в гроз-

ную силу. На доске оказываются в итоге пять белых коней, которые заматовывают черного короля.

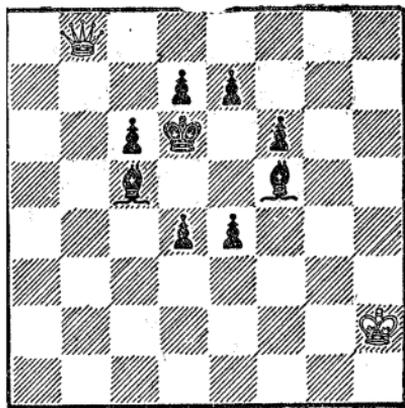
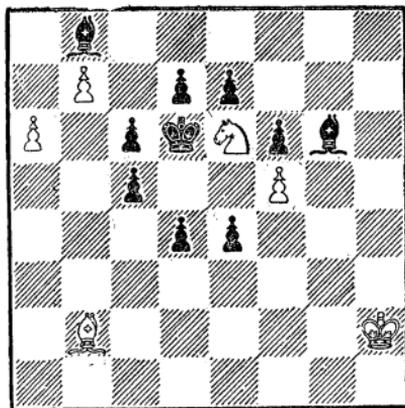
И как бы ни был условен и специфичен язык изобразительной шахматной задачи, последняя является произведением искусства. Ведь и симфония непонятна многим слушателям, незнакомым с языком музыкального искусства. Значит ли это, что симфонии не отражают реальной жизни? Конечно, нет. «Для немзыкального уха самая прекрасная музыка лишена смысла», — говорил К. Маркс, подчеркивая субъективный характер восприятия искусства.

Шахматы же являются в настоящее время игрой миллионов. Ею серьезно занимаются сотни тысяч людей. И все они имеют возможность понять и почувствовать красоту, художественность и идейное содержание изобразительных шахматных задач, посвященных условному, символическому отображению тех или иных реальных событий.

Разве не об этом свидетельствуют символические задачи, составленные в последнее время советскими и зарубежными шахматистами в честь выдающихся успехов советского народа в освоении космоса? На конкурс «Шахматной Москвы», посвященный покорению межпланетного пространства, было прислано 42 этюда. Многие из них, изображавшие движение спут-

А. Кузнецов, Б. Сахаров, 1960 г.

«Спутник»

Ничья

1 Ca3! С: f5 2. a7! (начинается «подготовка запуска спутника») С: a7
3 С: c5+ С: c5 4 b8Ф+ Кр: e6 5. Фg8+! Кре5
6. Фg3+! Крд5 7 Фb3+! Крд6 8. Фb8+ ничья вечным шахом.

В процессе решения из черных фигур образовалась «планета Земля», а движения белого ферзя («спутника») по маршруту b8—g8—g3—b3 символизируют «орбиту спутника».

ника по орбите, представляли собой замечательные произведения шахматной композиции и были удостоены специальных призов.

Так в шахматном искусстве зародилась и по-

лучила в последние годы «все права гражданства» новая творческая область — изобразительная композиция.

Когда мы говорим о шахматном искусстве, то, естественно, имеем в виду прежде всего шахматную партию, ее художественное содержание, ее эстетическое воздействие на шахматиста. Но практической игрой шахматы не ограничиваются. Композиция, «живые шахматы», изобразительные задачи — все эти направления творчества также демонстрируют возрастающую роль шахматного искусства в эстетическом воспитании советских людей.

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Шахматы существуют более полутора тысяч лет. За это время не раз менялись правила и содержание игры. Из века в век возрастала ее роль и значение в культурной жизни народов. Все больше развивались международные шахматные связи, многообразными стали формы шахматных состязаний. К турнирам и матчам прибавились соревнования по переписке, телеграфу, радио. Проводятся встречи между клубами, городами, государствами и даже целыми континентами.

Почти все народы мира внесли свой вклад в развитие шахматного искусства. Сегодня страной самой передовой шахматной культуры справед-

ливо считается Советский Союз. В последние десять лет все матчи на первенство мира были проведены между советскими гроссмейстерами. Во всех крупных послевоенных состязаниях и в первую очередь в Олимпиадах, проводящихся раз в два года и собирающих команды нескольких десятков государств со всех концов планеты, неизменно выходит победительницей команда Страны Советов.

Известный румынский писатель, лауреат Ленинской премии М. Садовяну писал:

«Легко заметить, что существует прямая связь между культурным уровнем народа и его отношением к шахматам. Чем безотраднее экономическое положение той или иной страны, чем отстала она в интеллектуальном отношении, тем меньше известны и распространены в ней шахматы».

Блестящим подтверждением этой мысли служит прогресс шахмат в странах социалистической системы. Опираясь на лучшие традиции отечественной шахматной школы, советские шахматисты достигли огромных высот в развитии теории и практики шахматного искусства. Ныне в нашей стране насчитывается 2,5 миллиона организованных шахматистов, в том числе сотни тысяч шахматистов высокой квалификации, несколько сот мастеров и самое большое в мире число гроссмейстеров. А это значит, что шах-

маты в СССР стали достоянием широких народных масс.

Шахматы прочно входят в нашу жизнь, во все области культуры. Ныне редко можно найти писателя, художника, деятеля кино и театра, который не отразил бы в своем творчестве эту увлеченность людей шахматным искусством. Пестрит сообщениями о шахматной жизни современная пресса. Даже в нашу повседневную речь все больше и больше проникают шахматные термины, сравнения, аналогии.

У шахмат не только интересное прошлое и замечательное настоящее. Не менее заманчивы ближайшие перспективы их развития. Игра эта будет добрым спутником строителей коммунизма, являя собой одно из средств всестороннего развития личности и эстетического воспитания. Немалое место займет она в досуге космонавтов, которые отправятся на долгие месяцы и годы в межпланетные путешествия.

Уже сегодня мы можем уверенно сказать: шахматы станут неотъемлемой частью культуры коммунистического общества.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
За что мы любим шахматы	3
Гимнастика ума	
Сила логики	7
Анализ позиции	12
Тренировка памяти	21
Способности шахматиста	26
Воспитание характера	
Воля, мужество, стойкость	34
Психология творчества	40
Элексир молодости	50
Эстетика шахмат	
Красота комбинации	60
Фантазии нет предела	63
Искусство в искусстве	76
Из века в век	92

Автор
Исаак Максович Линдер

Редактор **А. Г. Гусакова**
Художест. редактор **Ю. А. Соболев**
Техн. редактор **А. С. Назарова**
Корректор **В. Н. Никитина**

Оформление художника **В. Б. Янкилевского**

Сдано в набор 27/XII 1961 г. Подп. к печ. 31/I 1962 г.
Формат бум. 60×92¹/₃₂. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0.
Уч.-изд. л. 2,84. Изд. № 21. Заказ № 3997.
A02133. Цена 7 коп. Тир. 100 000 экз. (1-й завод).

Типография изд-ва «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

7 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЗНАНИЕ

